

633(2)51

Г55

ПАВЕЛ I

*романтический
деспот*

Эпоха
Характер
Общество

Олег Глушкин

ПАВЕЛ I

**Романтический
деспот**

**Янтарный
сказ**

УДК 947
ББК 63.3(2) 5/А
Г 55

Оформление серии *С. И. Соболева*
На фронтисписе:

Глушкин О. Б.
Г 55 Павел I. Романтический деспот: Историко-литературное изд. — Калининград: ОАО «Янтар. сказ», 2005 — 112 стр.: ил. (Эпоха. Характер. Общество)
ISBN 5-7406-0891-3 Б. ц., 3000 экз.

Очередная книга серии рассказывает о трагической судьбе «романтического» императора, стремление которого навести порядок в русской армии и государстве не увенчалось успехом.

ISBN 5-7406-0891-3

© О. Б. Глушкин, 2005
© ОАО «Янтарный сказ», 2005

ПАВЕЛ I

авел I никому не доверял, был уверен, что все перепутают или забудут по извечной безалаберности и лени. Порядок проведения коронации вплоть до последних мелочей был определен им самим заранее. И хотя сжигало нетерпение, подавил его в себе и дождался Светлого Воскресения Христова, чтобы совместить с ним принятие короны. А с нею и незримого тернового венца, ибо брал на себя все людские страдания и ответственность за свой народ. И конечно, не в Петербурге устроил праздник, а в первопрестольной Москве, где звоны сотен колоколов разливались в мартовском весеннем воздухе, где небо полно голубизны в отличие от низкого и всегда хмурого не-

босвода, довлеющего над Невой. В первопрестольной, где все искрилось и полнилось солнечным светом. И дышать здесь было много легче. А главное — здесь жил не чиновный люд, а истинно простой народ, для которого он, Павел, должен был стать самым любимым, Богом благословенным Государем и столь долгожданным избавителем от рабских тягот. И еще — был он уверен, что послан свыше — очистить страну от екатерининского разврата и беспутства, что именно ему суждено продолжить деяния своего славного деда Петра Великого.

Торжественный въезд в Москву состоялся в Вербную субботу. Целых восемь часов двигались от резиденции императора до Петровского дворца. Павел гордо восседал на белом коне. Свита тоже была вынуждена ехать верхом. Не всем возраст позволял твердо держаться в седле. На фоне стареющих вельмож такими стройными и уверенными выглядели сыновья — великие князья Александр и Константин — просто чудо! Императрица Мария Федоровна выглядывала из кареты и любовалась ими. Павел несколько раз поймал ее восторженный взгляд.

На пути следования царской свиты были построены триумфальные арки, на Тверской

улице и в Кремле сооружены трибуны для москвичей. Было довольно прохладно, многие мерзли. Некоторых важных персон, окоченевших от холода, приходилось буквально снимать с лошадей. Но Павел не замечал холода. Обворожительная улыбка не покидала его лица. Он держал в руке шляпу и махал приветственно своим подданным. Гвардия и гатчинцы были на высоте, тянули носки, как на параде, шествовали такими стройными рядами, словно были выстроены по линейке. Раздражало Павла лишь то, что его сановники, отвыкшие от верховой езды, наводили в шествии путаницу. Сбивали строй, сталкивались друг с другом. Привыкли не к строю, а к теплу екатерининских покоев, озирались, словно нашкодившие коты, чуяли, что грядет расплата за все прегрешения...

В Кремле процессия остановилась. Здесь Павел спешил и вошел в храм, чтобы приложиться к святым мощам. К дворцу подъехали, когда на Москву опустились морозные мартовские сумерки. Строем прошли перед императором войска, новая, недавно введенная форма делала солдат подтянутыми и была к лицу молодым офицерам.

Само коронование назначили на воскресенье — 5 апреля 1798 года — в Успенском

соборе. Придворные обязаны были явиться туда в пять часов утра. Павел не изменил своим привычкам: точно в это время, в пять часов он поднимался и приступал к работе везде, где бы он ни был. В отличие от всех других он выглядел бодрым и подвижным. Посередине церкви было устроено специальное возвышение, где стоял трон императора. Павел взошел на него и возложил на себя императорскую корону сам, никому другому он не мог доверить это священнодействие. Потом короновал Марию Федоровну, которая преклонила перед ним колени. Не спеша, он облачился в порфиру, накинул на себя долматик из малинового бархата — царскую одежду византийских императоров. Теперь он стоял выше всех на тронном месте и в наступившей торжественной тишине прочитал громко составленный им фамильный акт о порядке престолонаследия. И повелел хранить этот документ в серебряном ковчеге. «Отныне и навечно для сохранения во все будущие времена», — тихо произнес он. Никогда не допущено будет в России смутных времен, назначения наследников по завещанию, возведения на престол любимиц гвардии, кровавых цареубийц — так полагал он. Царский престол — от Бога. Наследует старший из сыновей — и только...

Внимали словам указа молча. Видел вокруг подобострастные взгляды, равнодушные лица. Оживились все, когда стали читать другие указы и особенно указ «О пожаловании разным лицам чиновного и придворного мира земель и угодий с крестьянами, чинов и титулов княжеского, графского и боярского достоинства». Это, чтобы задобрить сановников. Но и простому народу достались царские милости.

Сразу же был издан манифест о запрещении крестьянских работ на помещиков по воскресным и праздничным дням и о равномерном разделении прочих дней недели «как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков». Поняли не сразу, встретили сановники криками одобрения, а потом разобрались — ведь это же почти отмена крепостного права — три вольных дня. Этот манифест Павел приказал читать во всех церквях простому народу.

И когда он, теперь уже коронованный император, выехал верхом на улицу, со всех сторон окружил его простой люд, тысячи шапок полетели вверх, бородатый мужик припал к стремяни, обтер пыль с царского сапога, стал целовать ноги, и все потянулись к ногам... Московский главнокомандующий граф Салтыков

тщетно пытался раздвинуть толпу крупом коня. Павел остановил его, сказал, что в любом деле главное — одобрение народа, что сразу из Москвы поедет он по России, чтобы увидеть, как живет простой народ и что запретил своим начальникам готовить особые встречи. И еще, он доволен тем, что к присяге приведен весь народ. Не только дворяне присягают, но и крепостные. Ведь перед монархом все равны... Опасливые советчики пытались отговорить: равнять благородных людей и быдло — мыслимо ли, за его спиной шептались: называли его «якобинцем», намекали на повторение пугачевщины. Но ведь делал он все это и для того, чтобы не было впредь никакого недовольства. А если весь народ верен монарху, откуда взяться Пугачевым? Вся страна становится счастливой...

На следующий день император и императрица в Грановитой палате принимали поздравления. Павлу все время казалось, что пришло слишком мало людей. В основном это были те, кто получил награды. Мария Федоровна сказала, что слышала от императрицы Екатерины, будто во время коронации толпа, целовавшая ей руку, была столь велика, что рука распухла. Павел понимал, что все это

матушкины выдумки, но от слов жены было как-то не по себе...

Вновь пронеслись перед глазами первые дни царствования. Ждал столько лет, знал, что время правящей матушки сочтено, что восторжествоует, наконец, справедливость, но когда слуга возвестил о приезде Николая Зубова, от страха не мог подняться из-за стола. Ничего хорошего от Зубова ждать не приходилось. Не исключено, думалось тогда, что этот мрачный двухметровый детина, брат последнего матушкиного фаворита Платона, принес весть о последней воле императрицы. И на престол взойдет сын, ее любимый внук Александр, а с ним, Павлом, расправятся так же, как и с Петром III, зверски убитом в Ропше. Но так просто он не дастся, в Петербурге трудно найти более искусного фехтовальщика. Павел положил руку на эфес шпаги. Слуга распахнул двери, и в их проеме показалась фигура с мокрыми волосами, в забрызганном дорожной грязью кафтане. Весь день шел дождь. Зубов бросился к Павлу, упал на колени. И Павел услышал: «Государыня при смерти!» И понял — свершилось! Годы ожидания позади. И внезапно его охватила жалость к ней, исчезла ненависть. Он стал требовать лошадей, не мог сдержать слез...

Ему исполнилось сорок два года. Он мог бы уже царствовать не один десяток лет. У него было почти все продумано. Законы и указы ждали только того часа, когда их можно будет подписать... Но прежде всего — он хотел восстановить справедливость...

ПУТЬ К ПРЕСТОЛУ

сю предыдущую жизнь он готовился царствовать, и долгое ожидание, словно пар, накопившийся в закрытом котле, распирало его. Он жил все время в страхе и в ожидании насильственной смерти, перед его глазами постоянно возникал образ убитого отца. Убитого сподвижниками матери, рвущейся к власти. И все в России стало зависеть от нее и ее фаворитов.

Он сам слишком долго зависел от царствующих женщин, он слишком долго был Павлушей, несчастным Павлушей...

Поначалу одна из них, вальяжная и шумная царственная бабушка Елизавета Петровна, захотела сделать из него наследника престола. Она

отобрала его у родителей в год его рождения — 1754 — и поместила в своих покоях. Отец Петр Федорович не очень горевал по сыну: вино, карты и охотничьи псы были его главной страстью. Павел почти не запомнил его, в памяти всплывала некая длинноногая фигура, произносящая слова с акцентом. Мать Павла, немецкая принцесса Софья-Доротея Ангальт-Цербская, ставшая после крещения Екатериной Алексеевной, оказалась во много раз умнее и хитрее своего мужа. Она готовилась стать русской императрицей Екатериной Великой, и на пути к заветной цели была готова устранить любое препятствие.

До шести лет Павел обитал в дворцовых покоях Елизаветы Петровны. Вероятно, ему втайне завидовали многочисленные вздыхатели, ведь он мог запросто спрятаться под юбкой самой императрицы — первой красавицы, как утверждали льстецы, не только России, но и всего мира. Елизавета любила смотреться в зеркала и сидеть у камина. А ему душно в царских покоях, где стоит невероятная жара и пахнет похотью. Павел боится шумной бабушки. Он прячется среди многочисленных ее платьев, которых — десятки тысяч. Елизавета ни разу не надела одно и то же платье дважды. Дворцы заполнены не только наря-

дами, повсюду шныряют карлики и громко хохочут шуты...

В далеких походах русские войска между тем завоевывают Пруссию и даже входят в Берлин. Так называемая Семилетняя война началась сражением у деревни Гросс-Егерсдорф. Фельдмаршал Апраксин разбил прусские войска, но не сумел воспользоваться победой и отступил. Через год русские войска под командованием Фермора вошли в Кёнигсберг. Столица прусского королевства перешла под русскую корону. Генерал-аншеф Салтыков одерживает победу при Кунерсдорфе над самим Фридрихом II, который считался великим и непобедимым полководцем. Русские войска штурмом берут сильно укрепленную крепость Кольберг. В ознаменование громких побед даются шумные балы, небо расцветчивают фейерверки. Родители Павла вздыхают по поверженной Пруссии. Внезапная смерть Елизаветы Петровны и воцарение отца, ставшего Петром III, освобождают Пруссию. Ведь для Петра III Голштиния — это родина, центр цивилизации, по его мнению, находится в Пруссии. Заключение мира с Фридрихом он празднует как самое большое торжество. Сановники осуждают его. Гвардия его презирает.

Маленький Павел даже не подозревает, какая опасность нависла над ним, ведь есть силы, которые хотели бы его возвести на трон. И тогда он мог бы разделить смертельную судьбу малолетних претендентов на престол. Но дворцовый переворот происходит не сразу. Царствованию отца дан еще один год. О нем повсюду говорят, как о никчемном человеке. Петр III — ярый поклонник Фридриха II, он возвращает Пруссии все земли, завоеванные русскими войсками. Российское общество возмущено. Во главе заговора стоят братья Орловы. Силачи и кумиры гвардейцев. Григорий Орлов влюблен в Екатерину, она отвечает ему взаимностью.

Павел запомнил всю суету дворцового переворота и впервые почувствовал страх смерти. В свете мечущихся факелов ночь сделалась днем. В Петергофе дворец был ярко освещен и наполнен гвардейцами. Потом — быстрая езда, все куда-то спешили. Павлу запомнилась площадь у Зимнего дворца, заполненная народом, его вынесли на балкон и показывали шумящей внизу толпе. Все кричали «ура!» и веселились. Вдоль Садовой улицы выстроились гвардейские полки. Мать в офицерском мундире ловко сидела на коне...

Все спешили присягнуть взошедшей на престол Екатерине, ставшей императрицей Екатериной II. Было объявлено, что отец Павла, император Петр III умер от «прежестоких геморроидальных колик». Уже позже, когда Павел подрос, он узнал страшную правду — отец был убит пьяными офицерами, сторонниками матери. Судьба отца все время пугала его... Он боялся ее повторения.

Павлу было восемь лет и надо было ждать еще двенадцать лет до своего двадцатилетия, чтобы получить престол от матери. Дальнейшие события показали, что Екатерина с престолом расставаться не собирается...

Маленького мальчика облачают в мундир, он появляется на приемах, но это только в первое время. Пропать между ним и матерью все время углубляется. Первый учитель Федор Бехтеев был случайным человеком и не мог дать никакого солидного образования. Азбуке выучил, изображая буквы солдатиками. В солдатика можно было играть и без всякой азбуки, выстраивая их на столе. Так пробуждалась будущая страсть к военным построениям. И еще придумал Бехтеев — выпускать газету, в одном экземпляре, где общалось о том, каких успехов достиг наследник в учебе, и о шалостях тоже писали, корили

наследника. Павел не знал, что газета издана в одном экземпляре, укреплялись мысли о своей важности, о том, что весь мир заботится о тебе и следит за каждым твоим шагом. Павел весь день занят, он всегда боится не успеть завершить все дела дня. Он спешит поест, часто глотает еду, не прожевав, он умеет одеться за две минуты, как это и положено человеку военному.

Поначалу Екатерина захотела привлечь для воспитания сына лучшие умы Европы. Но, узнав об истинной причине гибели Петра III, французский энциклопедист Аламбер отказался от приглашения, Дидро тоже не захотел рисковать. Воспитанием стал заниматься гувернер Семен Порошин. Он навеял Павлу романтические мечтания, с ним было всегда легко и просто, как с товарищем, ему можно было доверять все свои детские тайны. Он заменил друзей-ровесников. Их попросту не было. Зато открылся, благодаря ему, мир прекрасных дам и благородных рыцарей. Вместе заучивали монологи из классических комедий, читали Вольтера и Руссо. На первых порах царствования Екатерины эти вольнодумцы не были запрещены и чтение их даже поощрялось. Но главной и любимой книгой стал роман Сервантеса о славном и благородном

рыцаре Дон-Кихоте. Хотелось тоже стать честным рыцарем, убежать в Испанию из промозглого и мрачного Петербурга. Потом вычитал из книг, что рыцари — это не выдумка, что существуют и теперь рыцарские союзы. Несколько раз прочел Павел книгу «Истории об ордене Мальтийских кавалеров». Он тщательно делал выписки из этой книги, в нем уже тогда зародилась идея объединения всех рыцарей. Его влекла мистика, загадочность, он узнает про масонские ложи, они кажутся ему тоже собраниями благородных рыцарей...

Приучился с детства рано вставать, не позже шести утра, и на всю жизнь сохранил эту привычку. Хотел везде успеть. Часто смотрел на часы. Пришлось даже его наставникам распорядиться, чтобы вынесли часы из покоев цесаревича. Павел обожал животных, про своих любимых собак Султана и Филлидора написал комедию.

С усердием учил другие языки, говорил свободно по-французски и на немецком легко объяснялся, хорошо знал латынь, читал в подлиннике Горация. Для Павла была собрана большая библиотека, в ней, кроме книг, хранились коллекции минералов и монет.

Во всем он старался походить на великого своего прадеда. Даже обтачивал несложные

детали на станке. Для морского боя делал медные кораблики, расставлял свои флотилии на столе и командовал ими. Наставники его одобрительно кивали, говорили, что весь он пошел в своего прадеда, любившего морские баталии. Ему постоянно льстили придворные, он рано научился отличать лесть от действительных чувств. Называл льстецов «персиками». Не мог долго усидеть на одном месте, постоянно вскакивал из-за стола. Когда бежал, то подпрыгивал, точно так же, как и его отец, несчастный Петр III...

Главным воспитателем был назначен к Павлу обер-гофмейстер Никита Иванович Панин, один из самых просвещенных умов России. Он долгое время был послом в Дании, сумел наладить контакт со Швецией. Стал создателем Северного союза, в который вошли Англия, Пруссия, Швеция и Дания. За дипломатическую работу был награжден орденами и произведен в генерал-поручики. Знакомство с государственным устройством Швеции сделало его сторонником конституционной монархии. Идею конституционного правления Панин стремился внушить и своему воспитаннику. Рассказывал о других странах, читал сочинения философов и дипломатов. Панин исподволь готовил своего воспитанника к

государственным делам. Он был холостяком и полюбил Павла отцовской любовью. С ним было не так легко как с Порошиным, но с годами Павел все больше понимал, что Панин искренне предан ему. Панин был похож на придуманных благородных рыцарей, он был ко всем и всему внимателен, во всех его поступках сквозила истинная благородность. В своих суждениях он был независим. Он открыто, в Сенате воспротивился намечавшемуся браку Екатерины с Григорием Орловым. И хотя он не отрицал, что правление Екатерины привело к возвышению России, многое вызывало его неудовольствие. Он был сторонником «вооруженного нейтралитета». Он говорил, что надо заботиться не только о новых завоеваниях, но и о своем народе. Он открыто высказывался о незаконности екатерининского правления, считал, что императрица должна передать власть сыну. Панин мечтал о том времени, когда Павел взойдет на престол и дарует народу конституцию. Но ему не довелось дожить до светлого дня коронации своего воспитанника...

Уроки Панина не были скучными, цесаревич и воспитатель беседовали, как равные, на прогулках и во время парадных обедов, на спектаклях и маскарадах. Павлу нравился те-

атр, особо он пристрастился к балету. Для чтения своей комедии «Бригадир» к Павлу был приглашен Денис Фонвизин. Панин считал эту комедию весьма интересной. Вместе с Фонвизиным Панин стал разрабатывать проект конституции, написал «Письмо к наследнику престола для поднесения при законном вступлении его на престол». Идеи Панина были порой тяжелы и непосильны для юноши. Но все же многое западало в его голову и вызывало все новые и новые размышления и сомнения. Фонвизин, по разумению Павла, лучше все-таки писал оды и комедии, нежели государственные проекты. Так, Павлу было очень лестно выслушать оду, написанную по поводу его выздоровления от простуды. Оду эту напечатали, и на обложке большими буквами было выведено: «Слово на выздоровление Великого князя Павла Петровича». Но все же ничего не могло быть лучше, нежели комедия того же Фонвизина «Недоросль»! Даже такой далекий от театра человек, как Потемкин, похвалил автора, сказал: «Умри, Денис, иль больше не пиши: имя твое бессмертно будет по одной этой пьесе».

Но, как ни хороша была комедия, Павлу больше нравились водевили с веселыми танцами. Двор Екатерины манил всевозможными

удовольствиями. Фрейлины старались не отставать от государыни, и каждая из них была вполне доступна. На него уже все смотрели, как на взрослого. А его еще тянуло поиграть в солдатики. И все, что исходило от матери, даже в те годы казалось ему слишком фривольным и разнузданным. Он говорил об этом с другим своим наставником, архимандритом Платоном. Ректор московской семинарии и придворный проповедник, лучший церковный оратор тех лет, он к тому же не был ханжой, обладал манерами светского человека. Он осуждал вольные нравы, царящие при дворе, и сумел вложить в своего ученика основы истинной веры. Павел искренне молился, иногда часами простаивал на коленях, в его спальне на ковре даже появились потертости от его колен. Он обещал Богу стать духовным вождем своему народу. Мысленно он исправлял все безбожное, что привнесла в жизнь Екатерина и любимые ею французские философы, мысленно отстранял ее многочисленных фаворитов, жаловал чины верным людям... Он ни на минуту не забывал, что он будущий царь, и что это предназначение дано ему от Бога.

В двадцать лет он составил сочинение «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты

оного и касательно обороны всех пределов». Он писал, что государству необходим покой и долгий мир, чтобы привести все в порядок и наслаждаться этим миром. Он предлагал отказаться от завоевания новых земель, считал, что надо прекратить войны и не начинать новых, войско содержать для обороны, а не для наступления, уменьшить рекрутские наборы, дать войскам такой устав, чтобы каждый знал свои обязанности до мельчайших подробностей. Екатерина прочла его трактат, усмехнулась и рассматривать отказалась. У нее были другие цели. Победоносные войны расширяли границы империи, обеспечивался выход к южным морям. Впереди был Очаков и покорение Крыма. Грузия становилась частью России. Екатерина собиралась разгромить Турцию и создать на ее месте Греческую империю... Возможно, сочинение Павла еще более убедило ее, что власть сыну передавать нельзя...

Панин, рискуя вызвать гнев императрицы, осмелился напомнить ей, что она обещала быть только регентшей и править до достижения Павлом совершеннолетия. Екатерина постаралась удалить опасного воспитателя. Раскрылись конституционные замыслы Панина. Говорили о конституционном проекте, подготов-

ленном им вместе со своими сподвижниками, автором комедий Фонвизиним и Бакуниным. Бакунин, собственно, и донес об этом проекте фавориту императрицы и ее возлюбленному Григорию Орлову. Екатерина не стала раздувать это событие и делать из прожектеров заговорщиков. Панину за воспитание наследника было даже пожаловано пять тысяч душ, он остался канцлером, но Павлу видеться с ним не давали.

Уже позже, в 1783 году, за три дня до смерти Панина его воспитанник пробыл у него целый вечер и только тогда понял всю глубину замыслов канцлера. Панин хотел укрепить монархическую власть законами, так он говорил, но в действительности он хотел ограничить власть монарха. Он хотел разделить власть на законодательную и власть, хранящую и исполняющую законы. Была еще у Панина совершенно якобинская мысль о выборном Сенате. Это не для России — сразу соориентировался Павел. Излишняя вольность порождает распущенность. Вольностью является то, что разрешено законом.

Екатерина всегда хотела доказать всем, что сын ее не достоин престола. Она не любила путешествовать, так как опасалась, чтобы в столице в ее отсутствие не произошел перево-

рот. Законный наследник власти Павел казался ей постоянной угрозой. И когда ей приходилось, пусть и ненадолго, покидать столицу, она приказывала, чтобы в случае начала волнений немедленно арестовать Павла и привезти его к ней. Сын был ее болевой точкой, она не оставляла его в покое. Она усиленно стала подыскивать ему невесту. Невеста отыскалась, как и всегда, среди немецких принцесс. Одна из них, Вильгельмина Гессен-Дармштадтская, стала первой женой Павла и соответственно великой княгиней, названной после крещения Натальей Алексеевной.

Женитьба стала первым неудачным опытом общения с женщинами (флирт с безотказными фрейлинами не шел в счет). Была ли первой любовью Наталья? Павел даже не понял. Она была не по годам хитра и сразу окунулась в дворцовые интриги, пример Екатерины манил ее. Но все планы оборвались. Наталья умерла при родах после трех лет совместной жизни. Были подозрения и на то, что смерть ее ускорили ядом. От матери всего можно было ожидать. Павел рыдал, требовал вскрытия и наткнулся на холодный презрительный взгляд императрицы. Екатерина произнесла раздельно и четко: «Ты горюешь больше, чем полагается рогоносцу». Так он

узнал об очередном женском предательстве. Хотя и давно подозревал, что жена его завела роман с придворным красавцем Андреем Разумовским, но не мог даже и мысли допустить о том, что они почти открыто сожительствовали... Андрей ведь считался его другом, от него Павел ничего не скрывал... Удар по самолюбию был жестоким... Но Павел был тогда молод и хотел верить, что предательство не свойственно окружающим его людям...

Сердце Павла быстро остыло и освободилось от печали. Не прошло и трех месяцев со дня смерти жены, как он согласился на новый брак. Он едет в Берлин на смотрины. Встречали везде торжественно, хотели породниться с Россией. В Кёнигсберге даже выстроили специальную Триумфальную арку, было торжественное шествие студентов из Альбертины. Еще запомнился ужин в замке: такого обилия мясных блюд Павел нигде не видел. В Берлине ждала еще более торжественная встреча. Невеста показалась ему божеством. София Доротея, будущая Мария Федоровна, была и действительно — само совершенство. Они увиделись при дворе прусского короля Фридриха II, который устроил прием с необычайной пышностью. Павел покорен не только принцессой, но и прусским королем. Фрид-

рих II — вот теперь его рыцарский идеал. И еще более его восхищают военная дисциплина и прусский порядок в армии. Павел влюблен и все видит в розовом цвете. Принцесса — статная блондинка, некоторая близорукость даже идет к ней. Она начитана, пишет письма по-французски. Хорошая хозяйка. Очень бережлива. Но в этом доходит до крайности — взяла себе все платья первой жены. Она, как и Павел, любит во всем порядок, любит соблюдать церемониал. Императрица дарит молодоженам усадьбу в селе Павловском, расположенном недалеко от ее резиденции — Царского села.

Здесь, в Павловске, прошли самые счастливые годы любви. Они возводят изящный дворец и разбивают сады. Мария Федоровна быстро осваивает русский язык. Она заводит в Павловске литературный кружок, устраивает театральные премьеры, занимается благотворительностью. Они ждут ребенка. Павел молит Бога послать мальчика. Ведь этот сын станет наследником престола после него, Павла. Бог должен даровать его, чтобы на будущее укрепить российский престол. И вот в декабре 1777 года рождается сын — Александр, которому, Павел в этом уверен, судьба уготовила царствование. И буквально на другой

Мария Федоровна. С гравюры Нейдля

день императрица забирает внука. Она сама хочет воспитывать его. Она забыла — сколько слез пролила, когда с ней точно таким же образом поступила Елизавета, отобравшая Павла. Для Марии Федоровны — это страшный удар. Павел тоже пережил немало тягостных часов. Он теряет нить жизни, становится нервным. Он ненавидит свою родительницу. Между ними наступает полное отчуждение. Также Екатерина поступает и со следующим сыном Павла — Константином. Жизнь, кажется, потеряла смысл. Ничем не может помочь и Панин: хотя он оставался канцлером, правит теперь новый фаворит Екатерины — затмивший всех Григорий Потемкин.

Возможно, по его настоянию, чтобы смягчить пилюлю, императрица отправляет Павла и его жену в путешествие по Европе. Они едут инкогнито, как граф и графиня Северные. К глубокому огорчению Павла Екатерина исключает Берлин из предполагаемого маршрута, встреча с его кумиром Фридрихом Павлу не разрешена. Павел даже хочет отказаться от поездки, он не может разгадать, почему его отпускают из Петербурга. Мария Федоровна предполагает самые тяжелые последствия путешествия. В момент отъезда, прощаясь с детьми, она падает в обморок.

Позже Павел понял: императрица хотела показать Европе — смотрите, вот мой наследник, может ли он царствовать, этот невоздержанный глупец! Всегда для нее было важно мнение высоких европейских особ. И свиту она подобрала сама, если бы был даже хоть один пудель, верный ему, Павлу, велела бы его утопить. Везде маячили ее соглядатаи. Надо было помалкивать. Но сдержать себя было трудно. Он несколько раз открыто высказался о попрании законов царствующей императрицей. В Риме Павел встречается с папой Пием VI. Они беседуют о самых высших материях. Павел посещает Падую, Венецию, Флоренцию, Неаполь, Болонью, Милан, Парму, Турин, Ливорно, Анкону. Он в восторге от Италии.

В Вене его принимает император Иосиф, который только что заключил союз с Екатериной, ему очень важно было заручиться поддержкой русского наследника престола. Павел усердно посещает театры и маскарады. Правда, ему не удалось увидеть в венском придворном театре постановку «Гамлета», кстати, еще не допущенную на русскую сцену. Здесь, в Вене, — об этом Павел не знал — осторожный актер Брокман предостерег императора Иосифа: в зале будут два Гамлета. За преду-

прежденье актер получил 50 дукатов в награду, а Павел был лишен возможности лицезреть пьесу Шекспира, которая о многом бы заставила его задуматься. Шекспир был компенсирован другими театральными постановками, посещениями музеев и библиотек в Венеции и Риме и, наконец, встречей с известным драматургом и поэтом — Бомарше, который прочел Павлу рукопись своей еще нигде не поставленной комедии «Свадьба Фигаро».

Через Лион супруги отправляются в Париж. Их поражает великолепие Версальского дворца Людовика и Марии-Антуанетты. В честь русского наследника дают балы принц Конде и граф Прованский. Супруги посещают могилу Руссо, восторженной почитательницей которого была Мария Федоровна, и Академию художеств, где Павел обнаружил глубину суждений и немалые знания. Французские философы восторгаются познаниями Павла, его вкусом и умением определить значение той или иной работы художника. Все были покорены его любезностью и остроумием.

В глазах Екатерины сын был ничтожеством, а здесь, в Европе, увидели достойного наследника престола. Российская императрица поздно осознала, что путешествие по Европе не только не ухудшило репутацию сына,

а, напротив, во многом его возвысило. После его возвращения она старалась не приглашать сына на официальные церемонии и встречи.

Павел уединился в Гатчине, его терзали страхи и подозрения. Повсюду ему виделись шпионы и доносчики, нанятые императрицей. В его подозрениях была и доля истины. Екатерине доносили о каждом его шаге. Павла терзали ночные страхи. Ему казалось, что его хотят отравить. Однажды, когда у него заболело горло, и Екатерина хотела прислать своего медика, Павел впал в еще более болезненное состояние, пока ему не передали, что он сам может решить — лечиться у этого медика или нет. Еще ему казалось, что его могут внезапно схватить гвардейцы, посланные императрицей, и он распорядился, чтобы по ночам патрули охраняли дорогу, связывающую Гатчину с резиденцией Екатерины — Царским селом.

Его единственной отрадой стало небольшое гатчинское войско. С детства императрица дала ему звание генерал-адмирала. Позже он остался только полковником Преображенского полка. Великий предок поначалу вообще был простым бомбардиром. Павел хотел подражать своему прадеду, начинавшему путь к престолу и победам с потешных войск. И был еще один пример для подражания — стояли

перед глазами воины Фридриха, безропотно и четко выполнявшие строевые команды. Строй их был, словно раз и навсегда заведенный отлаженный механизм. Фрунтовой выучки Павел стал добиваться и от своих гатчинских солдат.

С раннего утра Павел — на плацу, он сам лично занимается строевыми учениями. Его воззрения на армию совершенно противоположны тем, которые проповедует Потемкин. В 1784 году Потемкин значительно улучшает форму, делает ее удобной, он утверждает: «солдатский наряд должен быть таков — что встал, то и готов». Павел не согласен с Потемкиным, он делает своих солдат похожими на солдат любимого Фридриха. Мундиры — не отличишь от прусских. Выписан из Пруссии капитан Штейнвер, Павел надеется, что этот вояка будет таким же, каким был Лефорт у Петра Великого. Но не только муштрой солдат занимался Павел в Гатчине. Здесь у него была огромная библиотека, порядка сорока тысяч томов, здесь он продумывал свои будущие указы и писал положения о российских делах...

Он внимательно изучил сочинение князя Щербатова «Путешествие в землю Офирскую». Щербатов был масонским деятелем, и книга

эта представляла собой план организации тоталитарного государства, в котором все было подчинено опеке правителя, действующего при помощи санкреев — офицеров полиции. Автор с восторгом писал о государстве офирян, где все так рассчитано, что каждому даны правила, как ему жить, какое носить платье, какой иметь дом, сколько иметь слуг, сколько блюд ставить на стол, какие напитки употреблять, даже содержание скота определено особым уставом. Своего имущества нет почти ни у кого. Всем владеет государство. Посуда выдается из казны по чинам: одним — жестяная, другим — глиняная, а первоклассным особам — серебряная, и каждый должен жить, как ему предписано....

Вся эта социальная утопия пришлась Павлу по вкусу. Многие он и до прочтения книги представлял так же. Особенно ему запало в голову то место, где описывалось, как правители Офирии распоряжаются частной жизнью своих подданных. Все в стране делается по заранее разработанному плану и только по разрешению правительства, вплоть до того, что на каждый год устанавливаются твердые цены на все товары и продукты.

В этой книге дан был и план создания военных поселений. Армия в Офирии состоит

из солдат, которые живут в специальных селениях. В каждом селении располагается рота солдат. Каждому солдату дана земля, которую он обязан обрабатывать...

Павел еще не выбрал главное направление в переустройстве государства. Да, хорошо бы все регламентировать, но в то же время Петр Великий зачастую действовал не по регламенту, а по наитию, и был прав...

И в делах, и в мыслях Павел всегда обращается к своему прадеду. Иногда он видит его во сне, иногда ему грезятся встречи. Рассказанное Павлом воспринимается как фантазия, но он утверждает, что было именно так. Вот одна из таких встреч. Решили они с князем Куракиным побродить инкогнито по Петербургу, дело было ранней весной, взяли двух слуг и вышли из дворца. Ночи в Петербурге светлые, к тому же выплыла полная луна. На улицах совершенно пустынно. Вдруг Павел в одном из подъездов увидел фигуру высокого и худощавого человека в испанском плаще, закрывавшем нижнюю часть лица, с надвинутой на глаза шляпой. Когда поравнялись с подъездом, человек вышел и молча пошел слева от Павла. Шагал он твердо, казалось, у него каменные ботинки — таков был звук его шагов. Павел почувствовал, что левый бок

замерзает, словно таинственный человек сделан изо льда. Павел испуганно спросил Куракина: кто идет слева? Куракин ответил, что никого нет, а он, Павел, идет почти вплотную к стене дома. И действительно, Павел протянул руку и коснулся холодного камня стены. Но грохот шагов не исчез и незнакомец опять приблизился. И вдруг заговорил. Голос был глухой и печальный. «Павел! — несколько раз произнес призрак. — Бедный Павел! Бедный царевич!» Павел спросил Куракина, слышит ли тот голос призрака. Куракин ничего не слышал. А призрак на вопрос Павла, кто он такой, ответил: «Я часть той силы, что хочет тебе добра. Прими мой совет: не привязываться ни к чему земному, ты недолгий гость в этом мире, ты скоро покинешь его. Если хочешь спокойной смерти, живи честно и справедливо, по совести, помни, что угрызения совести — самое страшное наказание для великих душ. Прощай, Павел! Ты еще меня увидишь. Здесь. На этом месте...»

Он приподнял шляпу, и Павел сразу узнал колючие глаза своего прадеда. Но прежде чем Павел успел его окликнуть, призрак растаял в туманной ночи. Это было на площади за дворцом. И каково же было удивление Павла, когда он узнал, что именно на этом месте

императрица постановила воздвигнуть памятник Петру Великому... Эта встреча — пригрезилась она или действительно случилась в той ночи — сделала Павла еще более угрюмым. Он понимал, что ему отпущено совсем немного лет. И неужели придется эти года провести в Гатчине?

Но было бы совсем неправильным называть Павла гатчинским отшельником и делать из него чуть ли не тюремного страдальца. В подражании своему кумиру Фридриху II, который любил играть на флейте, Павел тоже музицировал — он часто распевал полюбившиеся ему романсы. Обожал Павел и театр. Были торжественные выходы в свет. Каждое воскресенье при дворе давали бал. Старейшая императрица любила танцы. Открывали их обычно Павел с женой, плыли по залу в менуэте. Екатерина всегда была окружена фаворитами, говорила громко и оживленно. Павел ненавидел все ее окружение. Одноглазого Потемкина не называл иначе как «кривой». Под Новый год, на масленицу устраивались маскарады, приходилось придумывать костюмы и обязательно являться во дворец. Да и сам Павел давал балы. Он легко и изящно танцевал, умел пошутить и бывал даже весел. Был он «охотник до театра и всякой забавы». Но все

П. А. Пален.
*С гравюры Г. Валькера,
по портрету Г. Кюгельхена,
конец 1780-х гг.*

Александр I.
С портрета Ж. Л. Вуаля,

эти забавы не могли избавить его от той тоски и желчи, которые вызывало вынужденное бездействие. Он исписывал десятки тетрадей, занося на бумагу все свои мысли об устройстве государства. Он разрабатывал самые смелые проекты. Но трон был захвачен властной и влиятельной мамашей, и Павел был лишен возможности осуществить задуманные реформы. Его возмущали порядки, а вернее беспорядки, царившие во дворце. Везде — плутовство на плутовстве и постоянное ограбление государственной казны...

У него самого тоже были большие расходы, но меньше всего он тратил на себя. Велось много строек и в Павловском и в Гатчине. Увеличилось число его солдат, теперь они составили три батальона, была и артиллерия. Пушки употреблялись для салютов и условных выстрелов, — например, для приглашения к столу. На гатчинских озерах строился небольшой флот. Екатерина не придавала павловскому войску никакого значения, аналогии с потешными петровскими войсками не возникало. Она была твердо уверена в законопослушности сына. Знала, что он осуждает ее, но никогда не пойдет против матери с солдатами, да и куда годились они, его опруссаченные воины, против екатерининской гвардии! Екатерине было около шестидесяти, она была крепка телом и сильна не женским умом. Двадцатилетние и тридцатилетние фавориты сменялись почти каждые два года, и Павел боялся одного — ему не пережить императрицу, а значит, и не дожидаться короны.

А у нее были свои планы — она готовила приход к власти внука своего Александра. Тот возмужал, стал красив и умен. Павлу не нравилось, что слишком увертлив и хитер, но это, впрочем, не худшие качества. Сын был рядом, участвовал в маневрах, любил воинский строй,

и, как полагал Павел, никогда не пошел бы против отца. Но и Александр тоже все больше запутывался в дворцовых интригах. От всего этого темнело в глазах и сдавливало виски. Павел хорошо знал российскую историю и судьбу низложенных царей, он боялся насильственной смерти. Ему снились причудливые и кровавые сны. Ужасы французской революции сливались с российским беспределом, гильотина соседствовала с крестьянскими вилами. У него было состояние больного лихорадкой. Были вспышки ярости, о которых потом приходилось сожалеть.

Жена все больше отдалялась от него. Дети рождались один за другим, всего их было десять, но духовной близости ни с одним из них не ощущалось. Единственной отрадой стала фрейлина жены, выпускница Смольного института благородных девиц Екатерина Нелидова. Она блистала талантами в придворных балетах и спектаклях. У нее был мягкий характер. Жена поначалу ревновала, но потом осознала, что смуглая и не очень красивая Нелидова ей не соперница и хорошо влияет на Павла. Они даже стали подругами. А Павел находил в Нелидовой все, чего ему так не доставало в своей семье. В отличие от жены, Нелидова смогла уверовать во все его планы,

разделяла все его мистические порывы, она поощряла его самолюбие, не уставала повсюду говорить о его достоинствах и призывании к великим делам. Он готов был служить Нелидовой, как самый верный рыцарь. Какое в ней было удивительное изящество! Какой живой ум и какая великолепная грация! Она могла всегда успокоить его, могла погасить приступы ярости. Все полагали, что их связала плотская любовь. Павлу же была нужна дама сердца, ему нужна была дружба. Об этом он написал императрице. «Клянусь торжественно и свидетельствую, что нас соединяла дружба священная и нежная, но невинная и чистая. Свидетель тому Бог», — так заканчивал он свое объяснение. Но разве могла это понять Екатерина Великая, постоянно сжигаемая страстями.

И опять усмешки за его спиной, грязные дворцовые сплетни. Разве сановники, погрязшие в разврате, могли что-либо понять... Нелидова, одна Нелидова только могла разделить его сомнения и мучения... Но двойственное положение тяготит Нелидову, она хочет вернуться в Смольный, Павел умоляет ее хоть изредка навещать его в Гатчине...

Еще один человек, преданный цесаревичу, — его брэдобрей Кутайсов. Этот турок в детстве был пленен под Кутаиси, отсюда и фами-

лия. Выучился на брадобрея, получил графский титул и всегда умел подладиться к настроению Павла, мог все уладить и объяснить... И еще на одного человека мог Павел положиться полностью — это сын мелкопоместного дворянина Аракчеев, командовавший гатчинской артиллерией. Аракчеев не щадил себя и был всей душой предан военной службе. Его упрекали в излишней жестокости, однако вне службы Аракчеев был гостеприимным и радушным человеком. В Гатчине Павел не мыслил организацию военных маневров без Аракчеева.

Павлу хотелось куда-нибудь приложить свои силы, он рвался на войну. Сначала просил отпустить его волонтером, сражаться на юг, с турецкими войсками. Екатерина не отпускала, опасалась, что не станет нести безропотно службу беспокойный сын, а начнет вмешиваться в действия главнокомандующего Потемкина, будет поучать, как воевать. Императрица нашла причину для того, чтобы задержать сына. Вновь была беременна Мария Федоровна. Но войны велись разные, не успели расправиться с врагом на юге, как шведский король Густав III решил присоединить к себе русскую часть Финляндии. На эту войну со шведами Павла пришлось отпустить. Наконец-то

он услышал свист пуль и понял, что смерть на поле боя не страшит его. Война была победоносной. Шведская эскадра разбита в первом же морском бою. На суше тоже последовали победные баталии. Узнав, что в русской армии находится наследник престола, шведский король попытался начать с ним переговоры. У Павла хватило выдержки не вступать в эти переговоры. И все же от греха подальше Екатерина велела ему вернуться в Петербург.

Ожидали, что Павел будет награжден Георгиевским крестом, но Екатерина в этой награде ему отказала — очередной раз унизив своего сына. Мало этого, императрица сочинила пьесу «Горе-богатырь», в ней вывела она неразумного сына-царевича, который все время просится на войну. Придворные хвалили талант императрицы, смотрели пьесу помногу раз, насмешливо улыбались вслед Павлу. У императрицы появился новый возлюбленный: секунд-ротмистр, двадцатидвухлетний красавчик Платон Зубов. Ей исполнилось уже шестьдесят лет. Чтобы скрыть свою полноту, она носила широкие платья с пышными рукавами. Зубова произвели в генерал-майоры и поселили во дворце рядом с покоями императрицы. Павел был оскорблен и унижен, он не мог спокойно выносить все пере-

суды и усмешки придворных. К тому же во Франции была взята Бастилия и лилась кровь аристократов. Все рушилось. И матушка, заигрывавшая всю жизнь с французскими просветителями, теперь сама поняла, как опасны их идеи. И все же, когда Павел сказал ей, что все это безобразие можно легко прекратить пушками, она ответила ему, что пушки не могут воевать с идеями.

И что в результате? Императрице все равно пришлось вмешиваться, всякие отношения с революционной Францией были прекращены, Россия давала приют бежавшим от якобинцев аристократам. Революционная зараза незаметно проникла и в Россию. За сочинение и напечатание книги «Путешествие из Петербурга в Москву» сажают в Петропавловскую крепость Радищева. Автор, по выражению Екатерины, бунтовщик хуже Пугачева. За «клевету» на российские порядки сочинителя отправляют в Сибирь. Арестован и его сподвижник Новиков, один из видных прогрессивных деятелей и известный масон. На допросах у него пытались добиться показаний о связях с наследником престола Павлом. Новиков все отрицал. После своей коронации Павел освободил и Радищева, и Новикова.

Но до коронации надо было еще дожить.

Императрица, словно молодая куртизанка, наслаждалась жизнью. Озлобленный и раздраженный Павел на маневрах в Гатчине наказывал правых и виноватых. Ему пытались подсунуть яд, это подтвердил и его доктор. У Павла начались припадки, ему внезапно сдавливало грудь, он закидывал голову назад, задыхался... Ему стало известно, что императрица обратилась в Совет с предложением лишить его престола, ссылалась на его нрав и неспособность к управлению страной. Она даже пыталась говорить с Марией Федоровной, убеждала ее в том, что Павел должен отречься от престола. Кровь ударила в голову: жена скрыла все от него, могла и предать. Сын тоже все время заигрывал с царствующей бабушкой, сын тоже все знал, но молчал. Какие мысли витают в его красивой белокурой голове, почему он вместо вахт-парада едет в Зимний, только ли ради флирта с фрейлинами? Насколько он искренен? Даже родному сыну нельзя верить! Павлу казалось, что все вокруг готовы были его предать. Он становился все более мрачным и подозрительным. Он становился нетерпимым. Его нетерпение уже ничем невозможно сдерживать. Все, что делала императрица, вызывало его раздражение, желчь переполняла его. Он был близок к тому, чтобы свести счеты с жизнью...

Екатерина II.
С портрета С. Торелли 1162—1766 гг

НА ПРЕСТОЛЕ

тут — весть об апоплексическом ударе, постигшем императрицу. Ее принес Николай Зубов — один из будущих убийц. Возле постели еще дышащей Екатерины его брат Платон, громадного роста фаворит, упал в обморок. Павел сам подал ему стакан воды. Павел еще не уверен, как сложится его судьба, он знает, что есть завещание Екатерины. Демонстративно, чтобы это заметил наследник престола, душеприказчик императрицы граф Безбородко сует бумаги в камин. Горстка пепла остается от завещания...

Тридцать часов продолжается агония той, что столько лет властвовала надо всеми, над великой Россией. От ее криков, кажется, дро-

жат дворцовые стены. Страшные муки — как расплата за всю роскошную жизнь. Императрица скончалась 6 ноября 1796 года, не приходя в сознание. Павел не мог сдержать слез и рыданий, он готов был все ей простить, ведь это была его мать, давшая ему жизнь, Великая императрица. И странно и неприятно прозвучали слова графа Самойлова, произнесенные с затаенным восторгом и подобострастием: «Милостивые государи! Императрица Екатерина скончалась, а государь Павел Петрович изволил взойти на всероссийский престол». И все, кто льстил императрице и дрожал под ее взглядом, бросились обнимать друг друга...

Буквально в эту ночь Петербург начал менять свое лицо. Аракчеев проследил, чтобы повсюду были расставлены караульные будки, покрашенные в белый и черный цвета, точно так, как были выкрашены в Пруссии. Часовые заняли свои посты... Губернатор Архаров пошел дальше, уж очень перестарался: велел перекрасить дома и заборы...

Не однозначно встретили при дворе решение Павла о помиловании участников польского восстания, сосланных в Россию Екатериной. Освобожден национальный герой Польши, предводитель восстания Костюшко, при этом ему воздали должный почет: он был

принят Павлом и ему вернули шпагу... Роптали те, кто подавлял это восстание и получил за это в свое время награды...

Павел начал свое царствование с того, что провозгласил мирную политику. Казалось бы, весь был душой и телом с армией, муштровал своих гатчинцев ежедневно, но воевать не желал. Отменил рекрутский набор, прекратил военные действия в Закавказье. Было не до войны — требовалось сначала облегчить жизнь своим подданным.

И Павел уменьшил цены на хлеб. Разрешил всем подавать прошения на его имя, обещал всем отвечать на жалобы. Народ ликовал. Поверили, что восторжествуют повсюду порядок и справедливость. Павел сам собственноручно составил бюджет на следующий год. Решил восстановить в прежней силе рубль. Приказал срочно повсюду собирать серебряные сервизы и отливать из них рубли, а бумажные обесцененные деньги жечь. Всего спалили на площади перед Зимним дворцом шесть миллионов рублей. Переплавили даже царские серебряные сервизы. И Павел торжественно заявил, что согласен сам есть на олове, пока не восстановит российским деньгам настоящий курс. Эти реформы находили одобрение не у всех слоев общества. А до-

кладывали Павлу, конечно, только восторженные отзывы о его реформах. Ведь он был из тех людей, которые нуждаются в постоянном поощрении, в ежедневном почитании. Он был очень мнителен. Это все — результат тех лет, когда ему пришлось терпеть унижения не только от царствующей матушки, но и от ее фаворитов. Фавориты по-прежнему сильны в армии, требовалось избавляться от их засилья. Замени не всегда получались равноценными, вновь назначенные сановники не всегда понимали, чего хочет от них беспокойный император. А он требовал в первую очередь строгой регламентации и порядка.

Рьяно взялся Павел за наведение порядка в армии. Много не устраивало его. Он видел везде следы распушенности и беззакония. Это все досталось в наследство от усопшей императрицы. Гвардия стала позором армии. Большая часть офицеров не находилась в полках: сидели по своим домам, играли в карты, пьянствовали. И ежегодно производились в очередные чины. Потому Павел и приказал строго-настрого: всем уволенным в домовые отпуска явиться к своим полкам. Гатчинцев призвал в столицу. Они прошли маршем на площади перед Зимним дворцом, приветствуя своего императора. Всем гатчин-

цам объявил: отныне они — гвардейцы. На них одних надежда, только они защитят и никогда не подведут. Все награжденные офицеры-гатчинцы получили по тысяче душ крепостных, остальные — по пятьсот душ, простые солдаты получили право на земельные наделы в Саратовской губернии... Пусть видят, полагал Павел, что честная и преданная служба высоко ценится... А то ведь до чего дошли в хваленой дворцовой гвардии — знамена истрепаны, «екатерининские юбки, а не знамена» — так и сказал им Аракчеев, и Павел одобрительно рассмеялся...

Расхлябанность офицеров гвардейских полков вызывала в нем ярость. Он решил вышибить из них «потемкинский дух», научить их повиноваться и служить так, как это умели только гатчинцы. Офицерам запретил ездить в каретах, ходить в шубах и гражданской одежде. Началась зима, но сам Павел, подавая пример, на смотрах и при сменах караула был только в одном сюртуке. Лично везде наводил порядок. Если замечал офицера в шубе, заставлял тут же снять, а бывало, и отдать солдату. Всех надо было строго проверять. Всем все показать. На смотрах сам выхватывал эспантон из рук очередного нерадивого офицера, проходил перед строем с этим оружием,

показывал, как надо шагать. Сам стал заниматься и присвоением чинов и передвижением во всех частях. Дня не хватало. Вставал с зарей, в шесть часов утра — уже за работой, ложился поздно. Во все старался вникать. Велел заменить дорогие мундиры на более дешевые. Офицеры противились. Унизительным считали подражать пруссакам. Нелепыми казались большие сапоги, длинные перчатки, высокие треугольные шляпы, косы, букли. Павел же считал, что дисциплина берет начало в одежде, и потому не должно быть вольности в ношении формы. Вооружение тоже должно быть удобным. Громоздкие пушки приказал заменить легкими, поворотливыми. Ветераны роптали, как же так, ведь это с прежними пушками громили врагов на берегах Кагула и Рымника!

И флотом тоже сразу занялся, ведь с детских лет числился в адмиралах. На флоте вообще не было никакого порядка. Морская практика стала редкой. Капитаны пили беспробудно. Воровство на кораблях и в Адмиралтействе процветало непомерное. Кронштадт утопал в непроходимой грязи. Пришлось во всем делать скорые перемены. Запретил в трактирах продавать водку с утра. В одном из тех, где не выполнили запрет, приказал перебить все бутылки. Позже и в Петербурге

Павел I стал грозой для трактирщиков. В одном из трактиров обнаружил, что водку продают много дороже, чем ее закупают. Повелел не только бутылки перебить, но и трактир уничтожить. Сам император не пил и даже не курил и терпеть не мог запаха спиртного, он считал, что только распущенный человек не может отказаться от табака и алкоголя. Пьянство, считал он, может погубить Россию... Считал, что Петр Великий в одном дал промашку — приучил к табаку и к бражничанью...

Все труднее было сдерживать гнев. Иногда, подражая великому прадеду, применял и свою трость. Люди, полагал Павел, плохо понимают слова. Армия должна была стать машиной, в ней необходимо выработать механическую слаженность и исполнительность. Самостоятельность, инициатива — вредны, не сомневался он, восхищавшийся прусскими порядками. Любил во всем точность, а о какой точности можно говорить, если даже сменить караул запаздывали. Мелочная его регламентация бесила привыкших к екатерининским свободам офицеров. Возмущались за его спиной: немцы мы, что ли? Возмущающихся и нерадивых наказывал без промедления: отсылал в дальние полки, отправлял в отставку, лишал дворянства. Генеральный штаб тоже пришлось перекраивать

по-своему. Семь фельдмаршалов и более трехсот генералов были уволены в отставку. Офицеры жаловались: «При Императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, в общество, ходили во фраках, а теперь с утра до вечера на полковом дворе, и учат нас всех, как рекрут». Павел приказал строить повсюду для размещения солдат казармы, увеличил оклады, повелел награждать не только офицеров, но и солдат. За двадцать лет беспорочной службы солдатам положены были знаки «Святой Анны». Солдаты считали его своим, народным императором. Зато туго пришлось щеголям и сибаритам, рассматривающим службу как некую синекуру и развлечение. Павел дал им почувствовать, что служба есть служба, и манкировать своими обязанностями никому не позволено.

Строгая дисциплина, введенная в армии, и строгие наказания не только солдат, но и офицеров, привели к тому, что дворяне стали уходить в отставку и поступать в гражданские учреждения. Тогда Павел издал указы, затрудняющие поступление офицеров на гражданскую службу, было воспрещено уходить в отставку до получения первого офицерского чина. Дворян, не служивших в армии и уклоняющихся от службы в выборных должно-

стях, Павел повелел предавать суду. Даже издал указ, по которому вышедшие в отставку из армии дворяне лишались права поступать на штатскую службу.

Он чувствовал, как растет недовольство в офицерской среде. Говорил об этом с Кутайсовым и Ростопчиным. Оправдывался, что тому может быть виной его невоздержанность. Они в один голос уверяли, что натуры порывистые и страстные любезны народу. И действительно, солдаты искренне его любили, так, во всяком случае, ему казалось. Продовольствие им стали выдавать в срок, обещали сокращение службы. И строго запретил Павел использовать солдат в офицерских усадьбах на разных работах, а то ведь из полков набралось почти пятьдесят тысяч солдат, которые и не видели казарм, а были превращены офицерами в своих бесплатных рабов. За хищения и беспорядки были преданы суду и осуждены 44 генерала и 83 штаб-офицера и почти пятьсот прочих чинов. Всего за свое царствование Павел отстранил от должности 20 тысяч офицеров и чиновников, но положить предел воровству так и не смог. Сановники, уличенные в казнокрадстве, оправдывались: иметь власть, да не пользоваться ею, такого не бывало в России... Отовсюду продолжали сыпаться жало-

бы на мздоимство и казнокрадство губернских начальников... Тогда Павел направляет во все губернии специальных ревизоров. В каждом уездном городе на видных местах поставлены были виселицы. На них вешали не чиновников-казнокрадов, а имена этих чиновников... Сам император определял вину провинившихся в каждом конкретном случае. Империя была велика, он же был один. Почти никому нельзя доверять...

Павел разрешил подданным обращаться к нему с любыми прошениями. Принимал эти прошения ежедневно на вахт-парадах. Сановники остерегали от таких послаблений, нужно ли принимать прошения от простолюдинов? Заявил им: «Все подданные мне равны и всем равно я государь!»

Не сразу понял, что напрасно разрешил принимать от всех жалобы. Сам ведь приказал устроить во дворце специальный ящик подле окна в одной из комнат, ключ от которой никому не доверял и каждое утро сам собирал прошения. Их было так много, что за один раз не унести. Стоны со всех сторон, изо всех краев. Повсюду грабежи, пожары, притеснения, убийства, повсюду несправедливости. Поначалу Павел на каждую бумагу писал свою резолюцию. Выяснялись такие случаи, что глаза

наливались гневом, и сердце готово было выскочить из груди. Волокита была и в судах. Держали по десятку лет под следствием. Писал всем справедливые распоряжения... И что заслужил? Вместо благодарности в ящик стали опускать пасквили и карикатуры на него, императора. Не простой люд, конечно, сочинял все это. Ящик велел снять. Приказал вылавливать пасквилянтов и сечь. А если — дворянского звания? Тоже сечь, разжаловать и пороть. Задумал лишить вольностей дворянство. И по Петербургу поползли зловещие слухи. Его боялись, но в то же время и высмеивали. Никогда еще и ни об одном российском правителе не сочинялось столько анекдотов. Не всякий анекдот Павлу решались пересказывать. Самый популярный и в наше время широко известный, благодаря блестящей повести Тынянова «Поручик Киже», не был вымышлен писателем. Об этом случае рассказал Владимиру Ивановичу Далю отец, и Даль включил эпизод в свои рассказы. Ошибка писаря, который в приказе при написании слов «прапорщики же» сделал перенос и тем самым сотворил некоего несуществующего Киже, привела к тому, что император, подписывая указ, произвел Киже в поручики, а потом пошло и далее — вплоть до полковника. И вот уже

готовится приказ о генеральском чине. Император хочет видеть офицера. Пришлось доложить Павлу, что Киже умер. «Жаль, — сказал Павел, — хороший был офицер».

А вот случай с офицером, который после императорского запрещения ходить в штатской одежде велел солдату нести за собой шубу и шпагу, вполне мог произойти и не однажды. Павел, завидев такого нарушителя, говорил солдату: «Раз твоему господину трудно носить шпагу, надень ее на себя, а ему отдай свой штык с портупеей!» Так сходу Павел сделал солдата офицером, а нерадивого офицера солдатом.

Или еще рассказывали: во время одного смотра гатчинский офицер Каннабих помчался исполнить поручение Павла. Он скакал так быстро, что с него слетела шляпа. Павел крикнул ему, что он потерял шляпу, на что Каннабих ответил: «Но голова тут, ваше величество», продолжая скакать. Ответ понравился Павлу, и он велел: — «Дать ему 1000 душ».

А еще рассказывали, как Павел увидел пьяного офицера-часового у Адмиралтейства и приказал его арестовать. Часовой не растерялся и сказал: «Прежде чем арестовать, вы должны сменить меня». Павел повелел награждать офицера, заметив: «Он, пьяный, лучше нас, трезвых, свое дело знает».

Правда, эти анекдоты можно отнести к началу царствования, позже иногда сама дворцовая жизнь превращалась в анекдот. А за рассказ анекдота можно было и в Сибирь угодить, гнев императора был непредсказуем.

В начале же своего царствования Павел не обращал внимания на людские пересуды, он спешил все переделать, улучшить, преобразовать. Указы о переменах сыпались как из рога изобилия. Запрещалось свободное тиснение книг, запрещался ввоз книг из-за границы, запрещались слишком вольные танцы, запрещалось все, что ранее заимствовалось у французов — круглые шляпы и фраки, прически... Все это больно било по светскому обществу.

В то же время с казенных крестьян снимаются недоимки, вводится льготная продажа соли, запрещается продавать крестьян без земли. Все казенные крестьяне получают надел по пятнадцати десятин на душу. Запрещается сенаторам подписывать указы на дому, за неявку в Сенат лишаются места даже генерал-прокуроры, за нерадение к службе дворян отправляют в солдаты. Дворянское самоуправление приказано изменить: отменяются губернские дворянские собрания, остаются только уездные. Выборы, которые раньше превра-

щались в неделями длящиеся празднества, приказано проводить за три дня. Земских исправников и уездных судей назначает губернатор, их выборы отменены...

И в то же время приезжающие хлопотать по своим делам в столицу не остаются без внимания государя. Если через две недели им не удастся добиться решения, они могут через государевых адъютантов обращаться к губернатору и даже к самому императору. Павел увеличивает число курьеров, велит платить им приличное жалование, но требует, чтобы они доставляли депеши из Москвы в Петербург не более чем за двое суток. Он угрожает покарать за любое нарушение, но сам же милует, когда понимает, что совершает проступок человек чести. Так подполковник Лаптев продлил отпуск, чтобы проводить свою опальную родственницу, княгиню Дашкову к месту ссылки. Все предполагают, что Лаптев будет разжалован, но Павел восклицает: «Вот, по крайней мере, один настоящий мужчина!» Он даже жалует ему командорский крест. Другой полковник-гатчинец, отчитывая подчиненного за упущения по службе, посмел оскорбить в запале государыню. Подчиненный дал полковнику пощечину и плюнул ему в лицо. Конечно, был за этот поступок разжалован. Когда

Павел узнал, вызвал его, поцеловал и произвел в чин подполковника.

Генерал-адъютант Щербаков за то, что ударил почтальона и потребовал запрячь двенадцать лошадей, хотя имел право только на шесть, был уволен в отставку.

И таких историй бесконечное множество...

Подданные часто не понимали своего императора, и обычные человеческие, справедливые поступки воспринимали как царское чудачество.

Надо было растить новых людей, способных сделать Россию самой могущественной державой. Павел полагал, что в первую очередь надо правильно обучать будущих офицеров. И делать их офицерами не потому только, что принадлежат к дворянскому сословию, а искать способных к обучению детей. С этой целью Павел учреждает Военный сиротский дом, впоследствии ставший кадетским корпусом. Это была забота о будущем. Для офицеров же действующих открыли курсы тактики в Зимнем дворце. На этих курсах Аракчеев пытался вдолбить в головы командиров новые уставы и наставления. Павел был недоволен занятиями, хотя Аракчеев старался изо всех сил угодить своему императору. В эти годы зародилась идея создания военных поселений,

где все должно быть строго регламентировано, как полагал Павел, для всеобщего благоденствия.

Новый российский император хотел построить идеальное царство, в котором все будут счастливы, но счастливы по-павловски, то есть каждый будет знать, что ему делать во славу Отечества. Это царство в его представлении должно уподобиться воинской команде, в которой каждый действует в соответствии с уставом. Павел полагал, что сможет сочинить уставы на все случаи жизни. В месяц издавалось по сорок указов — такого еще никогда не бывало в истории России. Павел спешил, словно чувствовал, что недолгим будет его царствование. Тень убитого отца витала над ним... Она взывала к отмщению...

И Павел решил восстановить справедливость. Петр III не успел короноваться, и был по велению Екатерины погребен не в Петропавловском соборе, где были усыпальницы всех царей, а в Александро-Невском монастыре. Тридцать четыре года пролежало там его тело. И вот по повелению Павла был изъят гроб и установлен рядом с гробом Екатерины. Так посмертно Павел соединил своих родителей. Он возложил корону на гроб отца. Хоронили вместе и Екатерину и ее убитого мужа; в лю-

тую декабрьскую стужу вдоль Невского проспекта были выстроены гвардейские полки. Катафалк везли на орудийном лафете. Впереди нес корону в дрожащих руках Алексей Орлов — убийца Петра III, за ним князь Барятинский, тоже приложивший руку к кровавому делу. В соборе Орлов не выдержал, упал на колени и зарыдал. И это фаворит, перед которым все дрожали, тот, чье лицо, иссеченное саблей, вызывало страх у вельможей. Теперь он испуганно озирался на нового императора. Мечь Павла не была жестокой. Всех цареубийц ожидала только ссылка. Смертная казнь в России при Павле не применялась...

Все же, кто оставался верен Петру III, были поощрены. Так, узнав, что в деревне Липки Тверской губернии живет отставной премьер-майор Абрамов, отказавшийся присягать Екатерине II после убийства Петра III, Павел вызвал его в Петербург. И за очень короткий промежуток времени отставной майор стал генерал-майором. Он сначала испугался вызова во дворец, хотя никакой вины за собой не чувствовал. Из двери, соединявшей приемную с внутренними покоями, вышел царский адъютант.

— Кто здесь премьер-майор Абрамов? — спросил он звучно.

— Государь Император всемилостивейше жалует вас подполковником, — сказал адъютант.

Не успел Абрамов ничего сообразить, как прибежал другой адъютант и прокричал:

— Господин подполковник Абрамов. Государь Император всемилостивейше жалует вас полковником.

Вслед за тем явился третий:

— Господин майор Абрамов! Государь Император всемилостивейше жалует вас генерал-майором.

Наконец, четвертый объявил:

— Генерал-майор Абрамов, Государь Император всемилостивейше жалует вам Аннинскую ленту.

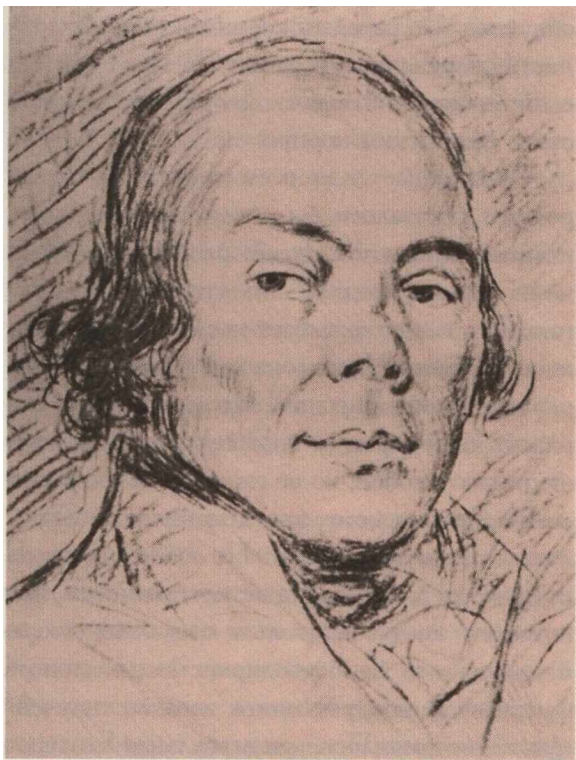
Затем появился император Павел и сказал, что так отмечается верность присяге...

Сразу после коронации Павел вспомнил, что он адмирал и решил покомандовать на флоте. Была построена специально для него сорокапушечная трехмачтовая яхта «Эммануил», что означает «С нами Бог». К лету в Кронштадте подготовили к плаванию 68 кораблей. Прибыл Павел с сыновьями — Александром и Константином. Императрица, хотя и была в очередной раз беременна, тоже решила пойти

на яхте. Павел повелел именовать яхту фрегатом. Но воспротивился затее императора сильный западный ветер. Только через несколько дней наконец ветер стих, и корабли стали вытягиваться из гавани. Все это сопровождалось пушечной пальбой, берег был усеян любопытствующими. Павел оставался очень доволен. Он пробыл все время на верхней палубе, наблюдая бег волн. Ветер между тем опять усилился, и решено было возвратить флот в Кронштадт. Закончилось все маневрами в Гатчине и большим парадом.

Но к флоту император так и не приобщился. Он не любил, чтобы его планы срывались из-за какого-то ветра. Он хотел бы, чтобы и силы природы подчинялись ему, ведь он поставлен Богом над людьми, он один ответственен за всех своих подданных перед Богом!

Пришла пора восстановить в России рыцарство — так полагал он. Поначалу Павел приказывает издать «Гербовник дворянских родов Российской империи», затем учреждает «Капитул Российских орденов». Всех кавалеров, награжденных высшими орденами империи, он объединяет в общество, делит на классы, учреждает командорства — все это похоже на средневековые рыцарские объединения. Члены орденового капитула обязаны совершать

Павел I.
С рисунка С. Тончи, около 1800 г.

военные экспедиции, заботиться о богоугодных заведениях, уплачивать взносы в казну общества. Он передает командорам в собственность специальные имения. Он хочет создать свой рыцарский клан. Дворянство должно стать рыцарским корпусом.

Он обращается ко всем императорам и королям с казалось бы совершенно неосуществимой и нелепой идеей: решать все споры не на полях сражений, а на дуэлях друг с другом. Это снова вызывает насмешки. Безумец хочет вызвать Наполеона на поединок, чтобы решить судьбу Европы?! Но ведь он хочет оградить свой народ от кровопролития, он готов жертвовать собой, но не своими подданными.

Народ верил ему, народ любил его, так полагал император Павел. Но люди всегда не помнят сделанного. Даже крестьянство, для которого, казалось, столько сделал хорошего, откликнулось не благодарностью, а дикими бунтами. В воздухе опять запахло пугачевщиной, вспомнилось, как всесильная Екатерина вздрагивала от каждого нового сообщения о движении самозванца. Ведь он присвоил себе имя убитого царя, стал для народа Петром III. В те далекие годы, когда все страшись изверга, у Павла в душе возникало даже сочувствие — а не послал ли Господь само-

званца в отмщение за цареубийство? Но вот теперь и на него, Павла, поднялись. Решили сокрушить своего «царя-избавителя», ведь так называли сами. А на деле — снова бунт. И пришлось направить карательный корпус под командой князя Репнина на подавление этого бунта. Зачинщиков повелел бить кнутом, заклеить железом и, вырвав ноздри, сослать на каторжные работы. Потом вдогонку слал указы о помиловании. И признавались бунтовщики, что шли не против царя-батюшки, а против чиновников, которые добрую волю царя о переводе крестьян в разряд казенных скрыли. И повелел Павел читать везде манифест:

«Объявляем всем нашим верноподданным Закон Божий, в десятисловии нам преподанный, назначает нас седьмой день посвящать ему; почему в день настоящий, торжеством веры Христианской прославленный, и в который Мы удостоились воспринять священное миропомазание и царское на Прародительском Престоле нашем венчание, почитаем долгом нашим пред Творцом и всех благ Подателем подтвердить во всей империи нашей о точном и неперменном сего закона исполнении, повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные

дни принуждать крестьян к работам, тем более, что для сельских изделий остающиеся в неделе 6 дней по равному оных вообще разделяемые как для крестьян собственно, так и для работы их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям».

Беда только в том, что никто этот манифест исполнять не поспешил. И тогда понял Павел: надо создавать образцовые хозяйства по английской системе выгонного многополья, у немцев же заимствовать создание искусственных лугов и школ земледелия. И опять его не поняли, на словах поддерживали, а когда доходило до дела, все искажали и насмешничали. Надо было растить новых, преданных царю помещиков, и Павел стал раздавать государственных крестьян. Всего было роздано верным сподвижникам шестьсот тысяч душ.

Но даже щедрые пожалования не сделали вельмож искренне верящими в своего царя. Казалось, уж столько наград получил канцлер Безбородко, однако не доволен правлением царя, предлагает ограничить волю монарха. А Павел хотел во всех видеть своих сподвижников. Платону Зубову он разрешил уехать за границу на два года. Но вот, когда Платон

ехал через Ригу, совпал этот день с народным праздником. А Павлу донесли, что праздновали встречу Зубова — одного из убийц несчастного отца-императора, и что празднование организовал рижский губернатор фон Пален. Был отставлен от службы этот губернатор. Но и года не прошло, как велел Павел простить фон Палена и восстановить в должности. Не знал и догадаться не мог, кого он возвышает...

Павел стремился соблюдать законы, во время его царствования не рубили голов на площадях, не колесовали и вообще никого официально не предали смертной казни... Император хотел народной любви. Он любил, когда в российских городах его приезд встречало множество народа, не понимая, что восторги толпы немного стоят; но ему так хотелось популярности...

Ему все время казалось, что он обделен настоящей романтической любовью. В 1798 году императрица родила сына Михаила, роды были очень тяжелыми, и акушер сказал, что еще одних родов она не выдержит. Так заканчивалась прежняя любовь. Нелидова к тому времени уже покинула царский двор. На одном из балов Павел заметил шестнадцатилетнюю Анну Лопухину, ее невинный вид и свежесть пора-

зили царя. Были приняты все меры, чтобы перевести ее отца из Москвы в Петербург, он получил должность генерал-прокурора и квартиру на набережной Невы, ранее принадлежавшую адмиралу де Рибасу. Новая любовь императора, юная Анна сама не имела больших запросов. А Павел готов был исполнить любой ее каприз. Ранее он запретил танцевать вальс, сочтя слишком вульгарным этот танец. Теперь же ради Анны вальс был возвращен на придворные балы. Анна любила яркий малиновый цвет. Мундиры гвардейских офицеров приобрели малиновые оттенки. Построенный корабль был назван «Благодать» — перевод имени Анна — и новая возлюбленная императора стала крестной матерью при спуске корабля на воду. Любовь к юной Анне носила рыцарский характер. Узнав, что Анну привлекает князь Гагарин, Павел устроил их свадьбу. Князь писал восторженные стихи и тяготился государственной службой, но и это ему не ставилось в вину. Если его любит Анна, значит, в нем есть что-то рыцарское! Став княгиней Гагариной, Анна получила право быть при царском дворе постоянно. Павел построил для нее и встреч с нею в Павловске дачу. Он также устроил для нее уютные апартаменты в доме, смежном

с домом своего поверенного в любовных делах графа Кутайсова.

Любовь давала отдушину и успокоение, но не отодвигала неотложных государственных дел. Он повелел восстановить Мануфактур-коллегию для развития промышленности, хотел увеличить добычу угля и торфа. Начал устройство системы каналов для соединения Волги с Балтийским морем. Спасая леса от нещадных вырубок, повелел упорядочить лесной устав. Создал высшую медицинскую школу в Петербурге и университет в Дерпте. Одесситы отправили в Петербург возы с апельсинами, и Павлу понравились заморские фрукты. Он повелел выдать ссуды на строительство города и порта, чтобы иметь южные морские ворота для развития колониальной торговли. Он также поддерживал развитие торговых отношений с Америкой, и при его содействии Шелехов основал Российско-американскую компанию.

И вне своей империи Павел тоже хотел жить в мире со всеми, но его романтические планы разбивались о суровую реальность. Он утверждал, что Россия отныне не должна больше заботиться об увеличении своей территории, что, победив всех своих основных врагов, она должна вести только оборонительные вой-

ны. Он хотел уменьшить армию и найти «способ к приведению армии в надлежащую пропорцию в рассуждении земли». Несмотря на то, что Павел обещал не вести больше войн, избежать внешних угроз было невозможно. Наполеон набирал силу, угрожал оружием своим соседям. Павел считал, что сначала надо навести порядок в своем государстве, а потом заступаться за австрийцев и пруссаков. Но вскоре неукротимый корсиканец задел и его, Павла, самые кровные интересы.

Павел все-таки нашел истинных рыцарей-крестоносцев. Обитали они на острове Мальта. Орден Мальтийских рыцарей, или «Державный орден святого Иоанна Иерусалимского», был расположен сначала на острове Родос, а позже — на острове Мальта. Несколько столетий Орден пользовался правами независимого государства: имел дипломатические отношения с разными странами, содержал свой флот. Рыцарство везде уже отжило свой век, и только мальтийские рыцари остались как напоминание о прежних временах. И Павел захотел объединить при помощи мальтийских рыцарей всех духовно близких ему людей.

Императора Павла прельщали в Мальтийском ордене его традиции, рыцарский уклад и мистически-религиозное направление, так

отвечающее его собственному религиозному мировоззрению. В его воображении рисовался образ идеального рыцарского союза. Между тем Орден мальтийских рыцарей находился в плачевном состоянии и с удовольствием принял опеку русского императора. В сентябре 1798 года Павел даже стал его руководителем, возложив на себя высокое звание «Великого Магистра Ордена святого Иоанна Иерусалимского. Изображение мальтийского креста было включено в государственный герб, а мальтийский крест стал одним из высших российских орденов. Павел видел в Ордене основу для объединения и обучения всего дворянства Европы, здесь, в Ордене дворянам, полагал Павел, можно будет привить чувства уважения к закону и чести. Подражая традициям Ордена, Павел учредил Инвалидный дом для русских матросов и на фронтоне здания велел укрепить мальтийский крест. Став покровителем и руководителем рыцарей, Павел обязан был защитить их от якобинцев. Французы повсюду устанавливали республики, троны рушились, они даже в Папской области провозгласили Римскую республику. Потом взяли за Африку, изгоняя оттуда англичан. Мимоходом высадились на острове Мальта, а русскому посланнику предложили покинуть

остров и объявили, что любой русский корабль, появившийся у берегов Мальты, будет потоплен. Это уже было для Павла почти личным оскорблением.

В 1799 году Россия вступает в антинаполеоновскую коалицию. В Европу направляется русский экспедиционный корпус под командованием генерала Розенберга. Павел ставит главную задачу: «Восстановление престолов и алтарей. Предохранение войск от пагубной заразы умов...». В Средиземном море корабли под флагом адмирала Ушакова «штурмуют бастионы». Моряки изгоняют французов с Ионических островов. Взята такая неприступная твердыня, как остров Корфу. 25 марта 1800 года своим именованным указом Павел производит Федора Федоровича Ушакова в адмиралы «за покорение всех похищенных французами прежде бывших Венецианских островов и взятие последнего из них острова Корфу с крепостями, укреплениями и военными кораблями». Ушакова называют «Морской Суворов». Он, подобно Суворову, не знает поражений. Он разрабатывает свою морскую стратегию. И Павел не ограничивает инициативу флотоводца.

С Суворовым же отношения не складываются. Самобытные военные принципы Су-

ворова не вязались со строгими порядками, которые вводились Павлом повсюду и которые черпал он у своего главного военного авторитета Фридриха Великого. Но ради общей победы пришлось сменить гнев на милость...

Император Австрии Франц II просит назначить фельдмаршала Суворова главнокомандующим союзной армией. Флигель-адъютант Павла полковник Толбухин незамедлительно едет в село Кончанское, где проживает опальный полководец, разивший не раз турок, взявший неприступный Измаил, подавивший польское восстание. У них было нечто общее в характерах — у императора и у полководца. Суворов был такой же резкий, подвижный, так же многим вельможам казался странным. Фельдмаршал говорил загадками, бегал по дворцовым залам вприпрыжку, ни с того ни с сего мог закукарекать. Его называли блажным, но многое вынуждены были ему прощать. Его отчаянная храбрость, его воинская смекалка и ловкость списывали все его недостатки и заставляли закрывать глаза на его причуды. Суворов сам о себе так говорил: «Цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мне удивлялись, враги меня ругали, придворные надо мной смеялись; побасенками говорил я правду при

дворах, был Балакиревым для пользы отечества и пел петухом, чтобы пробуждать сонливых...» Вот так откровенно сравнил себя с шутком Балакиревым. Таким и увидел его Павел в первую встречу еще в Гатчине: вошел фельдмаршал кривляясь и все норовил дерзить и надсмехаться. Сказал ему Павел: «Мы и без того понимаем друг друга». А Суворов выбежал из кабинета вприпрыжку и запел: «Принц восхитительный, деспот сокрушительный». Павлу о том сразу донесли. И на коронацию фельдмаршал не прибыл...

Категорически противился Суворов всем павловским указам. И в своей Екатеринославской дивизии не захотел наводить порядок. Учения проводил по-своему, новую форму не хотел надевать. «Букли не пушки, пудра не порох, коса не тесак, а сам я не немец, а чистый русак», — передавали Павлу насмешки Суворова над нововведениями. Суворов и муштра — понятия несовместимые. Все понимали одно: императору и полководцу не ужиться вместе. Суворов сказывается больным, просит предоставить ему отпуск «по причине многих ран и увечий». И Павел издает указ: «Фельдмаршал Суворов, отнесясь к его императорскому величеству, что так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляет-

ся от службы». И вдогонку новое указание: «Отставляется без права ношения мундира и орденов, без пенсии с местонахождением в селе Кончанское».

Такая обидная отставка последовала из-за того, что доложили Павлу, будто фельдмаршал волнует умы и готовит бунт. Все эти выводы сделали, прочтя письмо графа Михаила Румянцева, сына почтенного полководца, который пошел не в отца. Этот Румянцев младший служил у Суворова, и не раз полководец обращался с ним так, как и следовало обращаться с нерадивым офицером. И вот этот обиженный офицер решил отомстить полководцу и состряпал письмо к князю Репнину о якобы готовящемся бунте. Так фельдмаршал стал жертвой дворцовой интриги.

Павел долго зла не держал. — «Если было что от него мне, я сего не помню», — заявил император и дозволил приехать в столицу. Суворов прибыл в Петербург, появился на вахт-параде. Морщился там, зевал, потом бежал перед строем, мелко крестясь, треугольная шляпа падала с его головы, он гонялся за ней; шпага, прицепленная по новым правилам, мешала пролезть в дверцу кареты. Офицеры едва сдерживали смех. Павел все стерпел. Предложил должность инспектора. Суворов отве-

тил Горчакову, передавшему это предложение императора: «Инспектором я уже был в генерал-майорском чине, теперь мне поздно в инспекторы. Вот если предложат главнокомандующим и дадут прежний мой штаб да прежние права, развяжут мне руки, чтоб мог я производить в чины, не спрашиваясь, тогда, пожалуй, пойду на службу. А нет — лучше в деревню. Пойду в монахи».

Так пришло время стать главнокомандующим. В именном рескрипте, который привез генерал Толбухин опальному полководцу, было написано: «Граф Александр Васильевич! Теперь нам не время рассчитывать. Виноватого Бог простит. Римский император требует вас в начальники своей армии и вручает вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а ваше спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы вашей времени, а у меня удовольствия вас видеть. Пребываю к Вам благожелательный Павел». Суворов, не раздумывая, выехал в Петербург. Император при встрече сказал ему: «Веди войну по-своему, воюй, как умеешь». И, как гроссмейстер рыцарского Ордена, наградил Суворова крестом Святого Иоанна Иерусалимского. Впервые они обнялись.

Суворов прибыл в Валеджио, местечко

на севере Италии. Он поручил своему предшественнику, фельдмаршалу Краю осадить Мантую и Пескиеру, а сам с шестидесятитысячной армией двинулся на Бершию. Гарнизон этого города продержался под суворовским натиском только одни сутки. Следующим сдался город Бергамо. Суворов теснил французов в горы. Ему противостоял один из лучших полководцев Франции генерал Моро. У реки Адда Суворов разгромил Моро. Стремительным маршем прошли русские войска к Милану, вступили в Турин и разгромили генерала Макдональда у реки Треббия. Северная Италия была освобождена.

Павел восторгается победами Суворова, он шлет ему послание со следующими словами: «Слава Богу, слава Вам!». Он посылает к Суворову на боевую выучку своего сына Константина. Чтоб остановить победное шествие Суворова, командующим французскими войсками был назначен «непобедимый» генерал Жубер. Войска сошлись у городка Нови. В кровопролитном сражении Жубер погиб. Победа Суворова была блистательной. Павел пишет своему полководцу, что отныне повелел отдавать князю Италийскому, графу Суворову-Рымникскому все воинские почести, которые положены особе императорского величества.

Между тем союзники не раз оставляют Суворова наедине с французскими войсками. В Швейцарии поставлен под удар русский корпус Корсакова. Суворов спешит на выручку. Он совершает почти невысказанный прорыв через Альпы. Переход через перевал Сен-Готард, переправа по Чертову мосту голодной, раздетой, измученной русской армии обрастают легендами. Но героический прорыв не спас Корсакова, его корпус разгромлен. Обессиленные войска Суворова окружены в Швейцарии. Суворов на военном совете произносит пылкую речь: «Мы окружены, предательством нашего союзника мы поставлены в тяжелое положение... Идти назад — стыд. Это значило бы отступить, а русские никогда не отступали!» И он обращается к своим сподвижникам -генералам: «Спасите честь и достоинство России и ее самодержца!» Суворов бросается на колени. Потрясенные генералы клянутся, что разобьют врага.

Швейцарский поход восхитил весь мир стойкостью российских солдат, полководческий гений Суворова был высоко оценен даже его врагами. Знаменитый французский маршал Массена сказал: «Я отдал бы все свои победы за один Швейцарский поход Суворова».

Павел производит своего полководца в ге-

нералиссимусы, это самое высокое звание. Все унтер-офицеры, бывшие в Итальянском походе, произведены в офицеры, всем солдатам приказано выдать годовой оклад. Дана команда возвращаться в Россию. Готовится грандиозная встреча, торжественные приемы и фейерверки. Суворов же болен и несколько задерживается в пути на родину. Между тем приближенные всячески отговаривают императора от шумных торжеств. Со всех сторон доносят о том, что во время заграничных походов солдаты и офицеры постоянно нарушали военные уставы: рубили на дрова алебарды, не носили ботинок и тому подобное. И сам Суворов не надевал всех наград, данных ему. И даже докладывали, что полководец якобы носит австрийский мундир и хочет в нем явиться в Петербург на торжественную церемонию встречи. К тому же и Суворов все более становился нетерпимым, он ни в чем не хотел уступать Павлу. Любимая дочь полководца вышла замуж за Зубова, ненавидящего Павла, и не исключено, что Суворову передавалось ее настроение. Граф Пален и граф Чернышев убеждают Павла, что тот слишком большую власть дал полководцу, что отдана армия непредсказуемому человеку, надсмехающемуся над солдатской выучкой и формой, и не должно

быть генералиссимуса, когда есть император. Павел стал подозревать, что и Суворов состоит в числе тех, кто желает его лишить престола. По совету Палена Павел издал приказ об отмене триумфальной встречи и потребовал от Суворова объяснений, почему он и его подчиненные нарушают военные уставы и приказы. Великому полководцу не было устроено никакой встречи. Когда он прибыл в Петербург, ему было сказано, что император не желает его видеть.

Суворов вскоре тяжело заболел. Он впадает в беспамятство, у него начинается гангрена. Павлу ни о чем не докладывают. Похороны Суворова выливаются в многочисленную манифестацию, его оплакивает вся Россия. Император верхом выезжает навстречу похоронной процессии. Завидев погребальную колесницу, Павел снял шляпу, перекрестился и заплакал...

Павел оплакивал не только Суворова, было потеряно в альпийском и швейцарском походах более двадцати тысяч человек. Русские солдаты погибли, защищая Австрию от Наполеона, отстаивая интересы антинаполеоновской коалиции, пытаясь восстановить «потрясенные троны». И чего добились? Италия освобождена от французов, но порабощена Ав-

стрией. Остров Мальта, который должен был стать опорой рыцарства, захвачен Англией.

А во Франции Наполеон близок к тому, чтобы восстановить монархию, и это, считал Павел, меняет ситуацию. «Он делает дела, и с ним можно иметь дело», — говорит Павел о Наполеоне. Наполеон тоже ищет сближения с Россией. Он шлет послание, в котором предлагает безвозмездно и без всяких условий вернуть на родину, в Россию, около шести тысяч русских пленных. Причем вернуть с почетом — в новом обмундировании, с новым оружием, со знаменами и со всеми воинскими почестями. Наполеон также клянется защитить остров Мальту от англичан. Павел в восторге. Поистине рыцарский поступок! Павел обращается к Наполеону с посланием и призывает совместными усилиями «возвратить миру спокойствие и тишину, в которых весь мир так нуждается».

Все это приводит к резкому повороту в европейской политике. В конце 1800 года создается новая коалиция — Россия и Франция против Англии, к России примыкают Пруссия, Швеция и Дания. Павел, как и всякий эмоциональный человек, не знает середины. Теперь он боготворит Наполеона, в своем кабинете приказывает укрепить на стене портрет

своего недавнего врага. Новые планы захватывают Павла. Он намерен высадить войска в Ирландии, разбить Турцию и разделить ее, он идет еще дальше — он хочет покорить Индию. План покорения Индии согласован с Наполеоном. Атаман войска Донского Орлов получает приказ выступать в поход через Бухару и Хиву, ему навстречу должен двигаться французский корпус. Общее командование возложено на знаменитого наполеоновского генерала Массену. Соединение армий должно произойти в Астрахани. Наполеон подогревает планы Павла. Он пишет своему новому союзнику: «Французская и русская армии жаждут славы: они храбры, терпеливы, неутомимы, их мужество, постоянство и благоразумие военачальников победят любые препятствия». Павел в восторге: никогда еще Россия не была столь могущественна, от России зависит будущее не только Европы, но и всего мира, и он, Павел, послан Господом, чтобы дать мир и благоденствие всем народам...

ЗАГОВОР

ак полагал император Павел и, увлеченный решением международных дел, не замечал зреющего среди дворянства недовольства, как внешней его политикой, так и внутренней. Многие из его нововведений, казались причудами нетерпеливого человека, слишком поздно получившего власть. Борьба Павла с якобинскими одежаниями — круглыми шляпами, фраками и жилетами — вызывала усмешки и стала совсем не понятна, когда наметился союз с Францией. Тем более, что в обществе не очень одобряли этот альянс и было много сторонников сближения не с Францией, а с Англией.

Многое из сделанного императором не понято и не принято дворянством. Все слышнее

в придворных кругах разговоры о деспотизме правителя, о необходимости смены власти. Появляются различные проекты будущих преобразований. И даже возведенный в канцлерский чин Безбородко не доволен правлением и составляет «Записку о потребностях Российской империи», где осуждает реформы своего императора. Каждая ошибка Павла вызывает волну злорадства. Так, по всей столице распространяется его указ, которым уже умершему генералу Врангелю объявлен строгий выговор. Рассказывают об офицерах, лишенных за упущения по службе чинов и дворянства и даже битых шпицрутенами. Караульный во дворце допустил оплошность. Павел велел князю Константину передать караульному, что тот скотина. Офицер, выслушав князя, сказал, что не обижен на брань, ведь она идет от человека, лишённого разума. Этот ответ офицера пересказывают во всех петербургских салонах...

По жалованной Екатериной грамоте дворяне освобождались от телесных наказаний. Павел считал: если дворянин разжалован за преступные деяния и осужден на ссылку или каторгу, с него снимается всякое право дворянина. Началось это покушение на дворянские права после случая с прапорщиком Рожновым, который публично говорил о том, что все

государи тираны, злодеи и мучители и высказал много других дерзновенных слов, за что и был приговорен к лишению дворянства и каторге. Павел на приговоре начертал: «Коли скоро снято дворянство, то уже и привилегия до него не касается...» Написал единожды, а ретивые исполнители поняли как приказ на все случаи. И нередко разжалованных стали подвергать порке. Этого Павлу простить не могли...

Заговор против Павла назревает. Ему доносят о том, что его сын Александр собирает вокруг себя людей, недовольных и близких по духу якобинцам. Однажды Павел застаёт сына за чтением трагедии Вольтера «Брут», в которой описано убийство Цезаря. Он зовет Александра к себе и показывает указ Петра I о царевиче Алексее. Павел спрашивает сына, знает ли он историю о том, как сын предал отца и как расплатился жизнью за это предательство? Лицо Александра наливается кровью. Павел понимает, что сын становится опасен. Рождается даже мысль: передать право на наследование престола принцу Вюртембергскому, который прибыл в Петербург, чтобы жениться на старшей дочери Павла. Он жалует тринадцатилетнего юношу генерал-майорским чином и назначает шефом драгунско-

го полка. Павел даже хочет усыновить его. Павлу кажется, что этот принц намного ближе ему по духу, чем собственные сыновья...

Ущемление вольностей дворянства, непредсказуемость императора, боязнь вмиг лишиться своего положения в обществе и оказаться в холодной Сибири подталкивает многих к противодействию своему императору. Повсюду в обществе распространяются слухи о том, что император лишился рассудка. Рассказывают, как он, рассерженный плохой выправкой солдат, скомандовал целому полку: «Шагом марш в Сибирь!» Действительно, в гневе выкрикнута была императором эта угроза. И полк был изгнан, но не в Сибирь промаршировал, а всего лишь в Царское село. Напуганные офицеры носили с собой пачки денег на тот случай, если их внезапно разжалуют и сошлют в дальние края. Было трудно отличить правду от выдумки, клевету от истины. И действительно, Павел часто терял душевное равновесие и не мог подавить в себе вспышки гнева. Он, правда, был отходчив, но слишком рьяные исполнители спешили исполнить самое нелепое его приказание и потом говорить — вот видите, что можно ждать от императора! Он сам не знает, чего хочет! Утверждались самые жестокие приговоры, якобы для того, чтобы

угодить императору. Павлу постоянно кажется, что ему не оказывают должного почтения. Однажды он увидел, как мимо Зимнего дворца идет пьяный мужик, и сказал: «Вот идет мимо царского дома и шапки не ломает!» И тотчас же от услужливых придворных последовал приказ: всем едущим и идущим мимо дворца снимать шапки. И следили за этим строго, дождь ли, мороз ли — изволь обнажить голову... На заставах всех въезжающих в столицу строго проверяют, въезд иностранцев в страну возможен только по личному разрешению Павла. При въезде в столицу на досках можно прочесть множество предписаний и узнать, что запрещено. Так, запрещено слово «курносый» — слишком часто Павел слышал, как это слово насмешливо произносилось ему вслед. Запрещены слова «общество», «гражданин» и «отечество» — это для искоренения якобинских веяний...

Павел продолжает свои покушения на дворянские вольности и множит число своих врагов. Его пытаются предупредить: это опасно. В ответ же слышат: «Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое». Он считает, что ему все позволено, что любой его указ идет только на благо народу. Его все чаще сравнивают с Ка-

лигулой, римским цезарем, возомнившим, что ему все дозволено и убитом преторианцами.

Придворный лейб-медик Роджерсон так характеризует состояние Павла: «Это общий процесс, выражающийся в том, что, страстно желая творить добро, перестают отличать добро от зла и действуют или увлекаемые ложными умозаключениями, или по слабости. Разум мутится, движения становятся не скоординированными, возбуждение нарастает с каждым днем». В таком состоянии благие порывы превращаются в капризы самодура. Не умеющий сдерживать себя, Павел требует немедленного исполнения приказов. Он торопится повсюду восстановить справедливость, но его справедливость зиждется на людском бесправии. Хотел как лучше, а получилось даже хуже чем всегда... Приближенные и сановники стараются не попадаться на глаза императору. Боятся собственной тени, страшатся доносов. В дворцовых покоях царит атмосфера страха.

Со всех сторон Павлу доносят о том, как возводят его в сумасшедшие. И что обиднее всего — люди, некогда возвышенные им. В Англии не унимается Воронцов. Здесь, в Петербурге, ему вторит английский посол Витворт. Даже сын, великий князь Константин, подтверждал, что отец безумен. Письма перлюстри-

ровали, приносили Павлу. Он поначалу только усмехался, потом приходил в ярость. Защитники Павла от наветов напоминали клеветникам, что сумасшедшие теряют память, Павел же помнит фамилии почти всех старших офицеров; сумасшедшие обычно полнеют и не имеют детей, император же худощав и одних законных детей имеет десяток. Но защитников становилось все меньше. Многие покидали страну, ибо не хотели жить в страхе и неопределенности. Трудно было получить паспорта для выезда, но за взятку всего можно добиться. Все большую силу в стране набирали клеветники и чиновники... Прошлые заслуги стали не в счет... Передавали слова Павла: «Знайте, что в моем государстве велик только тот человек, с кем я говорю, и пока я с ним говорю».

Император, провозглашавший рыцарские идеалы, зачастую был далек от жизни, плохо разбирался в людях. Он назначил военным губернатором Санкт-Петербурга графа фон Палена и оказывал ему особенное доверие. Вскоре фон Пален становится первоприсутствующим в коллегии иностранных дел, занимает пост главы почтового ведомства — вся власть в столице оказывается неожиданно в его руках. Павел не замечает, что все нити недовольства находятся в руках этого человека,

мастера дворцовых интриг, хладнокровного и расчетливого. То, что фон Пален может возглавить заговор, быстро понял вице-канцлер Никита Петрович Панин, племянник воспитателя Павла. Как и дядя, Никита Петрович был сторонником конституционной монархии. Человек высокообразованный, свободомыслящий, он отвергал деспотизм и считал Павла сосредоточением безумного деспотизма. Панин сторонник союза с Англией, он дружен с послом в Англии Воронцовым и английским послом в России Уитвортом. К ним примыкают бывший канцлер Кочубей и герой русско-турецкой войны, основатель Одессы адмирал де Рибас. Панину удастся привлечь к заговору генерала Талызина, назначенного командиром Преображенского гвардейского полка. Уитворт, крайне заинтересованный в свержении Павла и возврата к союзу России с Англией, дает заговорщикам не только советы, но и золото...

Собираются недовольные политикой Павла вельможи в салоне Зубовых на Исаакиевской площади. Сестра Платона Зубова красавица Ольга Жеребцова, возлюбленная английского посла, устраивает вечера, на которых крамольные разговоры переходят в дерзкие планы. Английский посол не стесняется в средствах

и готов предоставить любые суммы. Панин ищет пути для вовлечения в заговор наследника престола — старшего сына Павла Александра. Они встречаются тайно в отдаленных переходах и покоях Зимнего дворца. Панин объясняет всю опасность дальнейшего пребывания Павла на престоле. Но согласия Александра на переворот Панин не получает. В это время тучи сгущаются над Паниным. Из вскрытого письма прусского посла Павлу становится известно, что Панин не одобряет союз с Францией. Павел раздражен. Напрасно фон Пален пытается защитить своего единомышленника. В декабре 1800 года Панин вынужден выйти в отставку и покинуть столицу.

Теперь единоличным руководителем заговора становится фон Пален. Он употребляет все возможные доводы, чтобы получить согласие Александра на отстранение Павла от престола. Наследник, воспитанный Лагарпом, любимый внук Екатерины, окруженный самыми прогрессивными людьми своего времени, безусловно, является сторонником конституционного правления. У него свои планы по преобразованию России. Но Александр боится кровавого исхода. Он требует от фон Палена клятвенного обещания в том, что заговорщики не станут покушаться на жизнь его

отца. Фон Пален, не задумываясь, клянется, хотя и понимает, что бескровное устранение Павла вряд ли возможно. «Ни один волос не упадет с головы вашего отца!» — заверяет он наследника. Александр верит или хочет верить военному губернатору, он говорит, что в случае добровольного отречения Павла надо обеспечить ему достойную жизнь, дать загородный дворец, устроить театр, поселить во дворце Анну Гагарину. Пален поддакивает ему: «Государь будет самым счастливым человеком!»

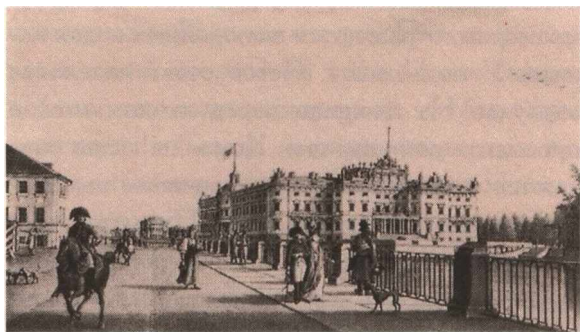
Согласие Александра получено, и можно действовать. Фон Пален подготавливает указ, по которому в столицу возвращаются все гонимые и ссыльные. Они прощены, но всех их невозможно устроить на службу. Они частично остаются в столице, ожидая обещанных милостей, или возвращаются назад обиженные и вновь униженные. Вместе со всеми прощенными в столицу прибывают Зубовы и Беннигсен, они-то и необходимы фон Палену, чтобы усилить ряды заговорщиков. Особые надежды он возлагал на своего старого друга генерала Беннигсена, на вид сухого и важного, но в деле всегда проявлявшего решительность и смелость.

Позабыв старые обиды и все простив, Павел устраивает на престижные места братьев

Зубовых. Платон Зубов становится директором кадетского корпуса, Николай Зубов — шефом Сумского гусарского полка, Валерин назначается директором другого кадетского корпуса. Теперь Пален может торжествовать. Ему удастся добиться смещения ряда верных Павлу сановников, а любимец императора граф Кутайсов неожиданно сам примыкает к заговорщикам. Он хочет породниться с Зубовыми и сватается к дочери Платона Зубова. Постепенно фон Пален готовит к свершению переворота гвардейских офицеров. Званные обеды и ночные пирушки идут нескончаемой чередой. На них все громче звучат голоса недовольных правлением Павла. На стороне заговорщиков оказываются командир Семёновского полка Депрерадович и шеф кавалергардского полка Уваров, которого Павел считал самым верным и преданным офицером. Кольцо вокруг Павла сужается. Фон Пален умело отсекает людей от императора. Он внушает Павлу недоверие к сыновьям и императрице, а тем в свою очередь сообщает, что им грозит ссылка и заточение в монастырь. С его подачи Павел удаляет от дел преданного царедворца Ростопчина — единственного, кто мог противостоять фон Палену. Другой преданный Павлу человек, Аракчеев,

удален в свое имение, удален самим Павлом за совершенно мелкие упущения.

Император не предчувствует нависшей угрозы. Россия вступает в новый век могучей державой. Он, император Павел, готов обеспечить мир в Европе. Все революции, полагает Павел, давно позади, девятнадцатый век не допустит повторения кровавых вакханалий. Красочные фейерверки расцветивают зимнее петербургское небо. Балы собирают модниц столицы и гвардейских офицеров. Павел готовится к переезду в Михайловский дворец. И это для него тоже радостное событие. Наконец-то он избавится от прежних покоев в Зимнем дворце, где витает дух разврата прежних его хозяев — императриц и их фаворитов. Новый дворец освящен в день архистратига Михаила, а потому и назван Михайловским. Замок построен архитектором Винченцо Бренном, который перестраивал еще дворец в Павловске, да и в Гатчине строил царские апартаменты. Павел сам делал первые наброски для своего нового дворца в столице. Это должен быть скорее замок, чем дворец. Прямоугольный двор, круглые угловые башни. Павел торопил строителей. Работали даже ночью. На строительство было затрачено более шести миллионов рублей.

Михайловский замок.
С акварели Б. Патерсена, 1800 г.

И вот 8 ноября 1800 года, после освящения, состоялось торжественное шествие, и дворец открыли для гостей. Стены не успели еще просохнуть, стоял густой туман в помещениях. Свечи едва мерцали во мгле, невозможно было оценить роспись стен и плафонов, а ведь эти росписи делали самые известные художники. Живопись, нанесенная на свежую штукатурку, расползалась. Конечно, это самый надежный замок, полагал Павел, и он будет неприступным. Его окружают рвы с водой, подъемные мосты, только два раза в день опускаются, чтобы под звуки труб проехали почтальоны. Здесь он, Павел, чувствует себя в полной безопасно-

сти. Толстые стены замка-дворца, облицованные красным гранитом и розовым олонецким мрамором, отражаются в спокойных водах канала. У подъемных мостов стоят надежные караулы. На площади перед замком можно проводить вахт-парады. Команды гулко раздаются в пространстве, окруженном высокими стенами. В самом замке Павел устроил для себя, как ему казалось, надежные покои, рядом находилась маленькая кухня, где могли готовить пищу только надежные люди и куда не удастся проникнуть отравителям. Вблизи от его опочивальни — комнаты Анны, есть специальные покои и для актрисы Шевалье. Балы в мрачном дворце следуют один за другим...

Между тем в столице почти все знают о готовящемся перевороте, заговорщики открыто повсюду говорят о необходимости устранения Павла. И только сам император ни о чем не подозревает. Хотя были моменты, когда все могло открыться, но Павел не придавал значения происходящему. За несколько дней до роковой мартовской ночи во время утреннего доклада фон Палена Павел спросил своего военного губернатора: принимал ли тот участие в заговоре, лишившем престола отца. Фон Пален ответил, что был свидетелем, а не дей-

ствующим лицом, ибо был слишком молод— простой унтер-офицер в одном из кавалерийских полков. И удивился фон Пален: почему задан такой вопрос? И тогда Павел сказал: «Потому что хотят повторить то, что было сделано тогда!» Сказал не очень уверенным голосом, но заметил, что фон Пален на мгновение растерялся. Но только на мгновение, ибо сразу же с невозмутимым спокойствием заговорил: «Да, я знаю, государь. Я знаю заговорщиков — я сам из их числа». И продолжал рассуждать о том, что только делает вид, будто принимает участие в заговоре, чтобы лучше следить за его развитием и держит в руках все нити. И заверил: «Не ищите сходства между вашим положением и тем, в котором находился ваш несчастный отец... гвардия вам предана...»

Можно и нужно было среагировать на это сообщение твердо и резко, дать команду всех заговорщиков заковать в цепи, посадить в крепость. Так и начал было Павел, почти переходя на крик. Но фон Пален остановил: «Среди заговорщиков ваша супруга и оба сына... Они во главе...»

Что остановило Павла? Неизвестно. Возможно, он не поверил фон Палену. Полагал, что хитроумный губернатор хочет поднять себя

в глазах императора. И все же после этого разговора Павел решил вернуть в столицу им же отстраненного от дел Аракчеева, только ему теперь он мог доверять, но Пален сумел перехватить письма императора.

Несмотря на то, что император внешне сохраняет спокойствие, его начинают мучить предчувствия. На конной прогулке он стал задыхаться. Не хватало воздуха. «Уж не задушат ли меня?» — сказал он обер-шталмейстеру. Павел верил в приметы и в неотвратимость судьбы. Ему приснился сон, что на него напяливают кафтан, и он задыхается. А когда проснулся, сказал: «Чему быть — того не миновать». Человек, не лишенный храбрости, отчаянный фехтовальщик, некогда жаждавший вызвать на поединок любого государя, стремящегося к войне, теперь решил покориться року. Возможно, ему уже не хотелось жить... Если прав фон Пален в том, что жена и дети участвуют в заговоре, если самые близкие люди покинули тебя, то стоит ли искать спасения?

За ужином 10 марта Павел не обращает ни на кого внимания. Даже пение знаменитой мадам Шевалье не привлекает его. С грустной миной на лице сидит за столом Александр. Павел с презрением смотрит на него. Певица заканчивает пение. За столом стоит

тяжелая мрачная тишина. Павел отстраняет от себя жену и сыновей, которые хотели попроситься после ужина. Государыня плачет. Получается нечто вроде тайной вечера. Фон Пален в роли Иуды, неизменная улыбка на лице. Он уже ничего не боится. Все идет по разработанному им плану.

В последний день своей жизни Павел, как всегда вставший в пятом часу, садится за стол и утверждает шесть законов. Среди них разработанный им самим: «О дозволении киргизскому народу кочевать между Уралом и Волгой». К Павлу в кабинет хочет пройти на прием патер Грубер, этот Божий слуга, возможно, хочет предупредить императора. Но его опережает фон Пален и остается в кабинете вплоть до начала вахт-парада. На смотре Павел накричал на генерала Мазовецкого, а наследнику своему Александру заметил: «Вашему высочеству свиньями надо командовать, а не людьми». После вахт-парада фон Пален устраивает разнос офицерам, говорит от имени императора, что тот ими недоволен и если не будет изменений в службе к лучшему, то отправит в такое место, где и костей не сыщут. Пален намерено сгущает краски, ему важно настроить офицеров против Павла.

И вот — последний ужин. Поначалу им-

ператор оживлен, он восхищен новой фарфоровой посудой. Но после ужина взглянул на себя в зеркало, которое искажало лица, и сказал: «Посмотрите, какое смешное зеркало, я вижу себя в нем с шеей на сторону».

Но, несмотря на все эти приметы и знаки судьбы, Павел не думал об опасности, напротив, он удалил караул и заменил тридцать солдат всего двумя лакеями. Какое-то затмение нашло на него. Чем вызвал у него подозрения самый верный ему полковник Саблуков — совершенно не понятно. Вдруг накричал на него: «Вы все здесь якобинцы. Караул убрать!» И вместо караула из верных солдат остались одни камер-гусары. Павел приказал никого к нему не пускать... Часы перед сном император, спустившийся по тайной лестнице, проводит у своей дамы сердца — Гагариной... Сказаны прощальные слова, известные только ей...

Павел отправляется в спальню, а в это время заговорщики уже начали свой ночной путь. Перед этим они ужинали на квартире генерала Талызина. Шампанское лилось рекой. Все были в подпитии и хмелели не только от вина, но и от восторженных выкриков и предчувствия крови. Пален предложил тост за нового императора. Кто-то спросил: «А как поступить с прежним?» Пален ответил француз-

ской поговоркой: «Омлет нельзя приготовить, не разбив яйца».

Ночь холодная и ненастная. Низкие тучи стелятся над притихшей столицей. Преображенцы разворачиваются у Михайловского дворца, ждут подхода Семеновского батальона. Хлопают себя по бокам, топчутся, стараясь согреться. Дворец окружен. Окна его темны. Но там, за толстыми каменными стенами многим тоже не до сна. Не спит императрица, не спит ее старший сын Александр, посвященный в планы заговорщиков.

Те, кому предстоит исполнить замысел и свергнуть императора, разделились на две группы. Одну из них обещает возглавить Пален. В другой главным идет Беннигсен, с ним Зубов, Яшвиль, Бороздин, Аргамаков... Черная работа предстоит этой группе. В случае провала Пален спокойно сможет арестовать участников заговора. Вдруг странный шум останавливает заговорщиков. Это испуганные движением войск вороны и галки покидают свой ночлег в Летнем саду. Часть заговорщиков по дороге отстает, их фигуры тают в ночи. Фон Палена никто не видит. Он обещал ждать у главного входа. Николай Зубов подбадривает оставшихся. Они почти бегом поднимаются по винтовой лестнице. Первая жертва —

караульный Агапеев. Он падает от удара Зубова. Первая кровь пролилась. Следующим падает от сабельного удара камер-гусар Кириллов. Зубова пугает кровь, он готов отступить от задуманного. Беннигсен хватается за руку: «Как? Вы сами привели нас сюда и теперь хотите отступать? Это невозможно, мы слишком далеко зашли, чтобы слушаться ваших советов, которые ведут нас к гибели. Жребий брошен, надо действовать. Вперед!» Шум слышат солдаты Преображенского полка, которые стоят в карауле на первом этаже. Они требуют, чтобы их вели к государю. Поручик Марин, известный петербургский поэт, ненавидящий Павла, задерживает их.

Павел проснулся от шума. Крики в ночи — необычайное явление. Топот ног. Павел понимает — он в опасности. Он прячется за ширму, стоящую подле кровати. И во время. В дверь уже ломятся. Ворвавшиеся в спальню тяжело дышат. Павел слышит голос Платона Зубова: «Он убежал!» Беннигсен шпагой откидывает ширму. У Павла в руках нет оружия. Если бы была шпага, он расправился бы с заговорщиками. Беннигсен обращается к Павлу: «Государь, вы мой пленник, и вашему царствованию наступил конец; откажитесь от престола и подпишите немедленно акт отречения в пользу

великого князя Александра». Павел бросается к двери, ведущей в комнату, где хранились шпаги офицеров, находящихся под арестом. Но дверь заперта. Вид его в ночной рубашке, босого, был нелеп. «Что я вам сделал?» — крикнул Павел. «Вы мучаете нас уже четыре года!» — В полутьме Павел не разглядел, кто выкрикнул эти слова. В этот момент в прихожей послышался шум. Павел решил, что караульные идут на выручку. Он бросился к выходу. Ширма упала на лампу. В спальне сделалось совершенно темно. Началась рукопашная. Павел ударил Платона Зубова. Никола Зубов схватил золотую табакерку и ударил ею Павла в висок. Это было воспринято, как сигнал к общей вакханалии. Павла повалили на пол, топтали ногами и в довершение всего задушили шарфом. Народу было объявлено, что император скончался от апоплексического удара...

Он правил четыре года, четыре месяца и четыре дня.

«Я надеюсь, что потомство отнесется ко мне беспристрастно» — эти слова незадолго до насильственной смерти император Павел произнес, словно чувствуя, сколько споров возникнет при оценке его правления. Романти-

ческим императором и одновременно Калигулой называл Павла I великий Пушкин. В самом Павле и в его трагической судьбе сплелись и пришли в противоречие такие ключевые понятия, как деспотизм и якобинство, рыцарство и гамлетовские сомнения. Он стоял за равенство, но равенство это понимал по-своему. Его консервативная утопия и мечты об идеальном государстве не нашли жизненного воплощения.

И все же павловское правление стало основой для дальнейшего возвышения России, которое продолжил Александр I. И недаром имя романтического императора помнят россияне. На мраморной плите его последней обители в Петропавловском соборе всегда лежат живые цветы.

Историко-литературное издание
Серия «ЭХО» («Эпоха. Характер. Общество»)

Олег Борисович Глушкин

ПАВЕЛ I
Романтический деспот

Редактор *Т. А. Ермакова*
Художественный редактор *С. И. Соболев*
Технический редактор *В. В. Паршин*
Корректор *Е. А. Самойлова*

Подписано к печати 18.03.05. Формат 70*84/}2-
Гарнитура академическая. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уел. печ. л. 3,76. Уч.-изд. л. 3,88.
Тираж 3000 экз. Заказ 7536.

Отпечатано в типографии ОАО «Янтарный сказ».
236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18.

Отдел продаж:

Калининград: тел./факс (0112) 27-91-57;

тел.: 21-62-51, 21-25-56;

E-mail: skaz_info@dvornik.ru

E-mail: skaz@dvornik.ru

Интернет-магазин: www.yantskaz.ru

Книга — почтой: (0112) 21-62-51

Санкт-Петербург (филиал): (812) 388-58-81

E-mail: yas.sp@rambler.ru

Москва (филиал): (095) 286-76-66

E-mail: mos-skaz@mtu-net.ru

Исторические личности и СОБЫТИЯ
к ИЗДАНИЯХ Янтарного СКАЗА

Серия «ЭХО» («Эпоха. Характер. Общество»)

представляет увлекательные исторические и художественные повествования о великих государственных и государевых людях, русских и иностранных, снижавших России славу и державный авторитет.

Это своеобразная галерея портретов раскрывает яркие личностные качества каждой персоны.

Серия рассчитана на самый широкий круг читателей. Формат издания настолько удобен, что позволяет уместить книжку не только в дамской сумочке, но и во внутреннем кармане пиджака, а точно подобранный иллюстративный материал дает возможность полнее ощутить суть и важность описываемых событий.

Вышли в свет:

«Иван Грозный: характер и темперамент».

В центре очерка, составленного на основе исторических трудов К. Валишевского (М., 1912), фигура первого русского царя. Как и почему Иван — сын великого князя московского Василия III из династии Рюриковичей дерзнул венчаться на царствование? В каких условиях формировался его деспотичный характер?

Какие последствия вызвало его державное своеволие? Отправной точкой для ответа на эти вопросы является исключительная по точности авторская позиция: *«Грозный был первым русским царем не потому, что он первый принял царский титул, а потому, что первый понял реальную силу своего сана».*

«Анастасия: первая любезнейшая русская царица». Автор очерка — доктор философских наук, профессор И. Кузнецова с искренней симпатией раскрывает образ красавицы-супруги Ивана Грозного:

«Современники приписывали ей все женские добродетели: целомудрие, смирение, набожность, чувствительность, благость, соединенные с умом основательным». Книга дает ответ на вопрос: почему печаль была всеобщей, когда умерла эта женщина?

«Граф Милорадович: в битвах и среди поэтов».

Генерал-губернатор Санкт-Петербурга, прославившийся на полях сражений с Наполеоном, он был в то же время тонким ценителем и поклонником талантов сценических, поэтических и музыкальных, оказывая всяческую поддержку и содействие в продвижении личностей одаренных и незаурядных. Писатель О. Глушкин — автор этой книги — мастер передавать особый колорит времени и нравов.

«Софья: несостоявшаяся союзница Петра Великого». В основе повествования трагическая судьба царевны Софьи, вступившей в противостояние со своим братом — царем-реформатором Петром I. Автор очерка И. Кузнецова представляет ее как личность сильную, властную, наделенную мужеством, мудростью и реши-

тельностью. Схожесть характеров царственных сестры и брата, присущая им энергичность, собственное понимание смысла государственных преобразований, а главное — убежденность каждого в своем исключительном праве на власть, — все это помешало им стать союзниками.

«Александр I: коронованный Гамлет». Яркий противоречивый образ одного из прогрессивных русских монархов, либеральные реформы которого закончились крахом и разочарованием. Осмысливая значение личности Александра I, автор О. Глушкин в предисловии пишет: *«Он выиграл битву с Наполеоном, пытался осуществить либеральные реформы в России, а в итоге сам стал душителем свободы во всей Европе».*

Готовятся к изданию:

«Петр I: плоть и дух».

«Аристотель Фиораванти: создатель символа государства российского».

*Павел I стремился
построить царство,
в котором все счастливы,
то есть каждый знает,
что ему делать
во славу Отечества.*